

Странная Любовь

Жена
Кукловода

18+

Странная Любовь
Жена Кукловода

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Любовь С.

Жена Кукловода / С. Любовь — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Куклы не плачут. Они не могут. Даже если бы хотели. Чего хочет каждая кукла? Чтобы с ней играли. Ей душно под стеклом. Особенно, если она сама выбрала такую роль. В оформлении обложки использована фотография с depositphotos.

Пролог

Куклы не плачут. Они не могут. Даже если бы и захотели.

На лицах её любимых кукол, фарфоровых личиках, покрытых почти незримой сеточкой трещинок, застыли улыбки. Она заметила – со временем улыбки меняются.

Может, выцветают краски, или стареет фарфор, неизбежно приближаясь к натуральному цвету кожи. А возможно... любая иллюзия возможна. Куклы не чувствуют боли. Или просто не подают виду.

Их время – вечер. Желтые эустомы в высокой вазе на столе. Ужин. Белое рейнское. Мягкий свет.

Все так, как он любит. Она знает все об этом.

Сейчас они смотрят – друг на друга. Слова бы всё усложнили. Она знает, как ему нравится. Неброский макияж. Высокая причёска. Винтажное платье-коктейль. Словно одна из кукол, что глядят на них из прозрачных витрин.

Он, не отрывая от нее глаз, делает глоток вина из бокала, и она замирает, вспомнив, как умеют целовать его губы.

Воздух, кажется, раскален и дрожит.

Но вот он встаёт из-за стола, такой элегантный, подтянутый. Ему так идет эта седина, чуть тронувшая темные коротко подстриженные волосы.

Он уже рядом, бережно берет ее руку и целует. В раскрытую ладонь.

– Ты великолепна. Ужин безупречен. Как всегда.

Ей очень хочется прижаться к нему. Не просто прижаться – вжаться, втиснуться в него. Врасти внутрь, стать одним целым. Но он не позволит.

Отпускает ее руку.

– Не жди меня, я поздно.

Уходит. Она знает, куда он идет. И кто его ждет. И даже, что он будет делать. С той, другой. Ее обнаженное тело – изящное, молодое, нежно отсвечивающее перламутром, грубо стянутое ремнями. Багровые следы от его плети на полупрозрачной коже. Чувственный рот, раскрывшийся в крике от боли и наслаждения.

Эти картинки тлеют у нее в воображении до самого утра...

Пока он не вернется. Тихо пройдет в душ, чтобы смыть с себя запах чужого возбуждения. Обязательно заглянет в ее комнату. Постоит молча у порога. А она будет надеяться, что он приблизится к ее постели, ляжет рядом, проведет еще влажной ладонью по ее горячему телу, так отчаянно жаждущему его...

Но он уходит. Она кусает костяшки пальцев, чтобы не закричать. От бессилия, ревности, обиды, ненужности. И пустоты. Но ее глаза останутся сухими.

Потому, что куклы не плачут.

Куклы не умеют плакать.

Глава 1

Все её детские куклы до сих пор в целости и сохранности стоят в шкафу.

А люди уходят. Иногда по собственной воле. Иногда нет. Такая у них скверная привычка. Отец ушел от них в другую семью, когда Людочке было двенадцать. Остались только куклы. Мама все порывалась их выбросить, чтобы не напоминали о бывшем муже. Сделать это не дала бабушка.

Люда хорошо запомнила, как она, прямая как струна, с коротко, по-мальчишески постриженными седыми волосами, стояла у окна, курила в форточку и резко выговаривала маме:

– Не будь мелочной, Татьяна! Кому ты мстишь? Игрушкам? Своему ребенку? Зло сорвать – иди посуду побей. Есть там тарелки в жутких розочках. Помнишь, в «Пассаже» в очереди давилась за ними? Их разбей. Пошлятина.

Потом обратилась к внучке, размазывающей по щекам кулачками слёзы:

– А ты, Людмила, не реви. Смотри, вон твои куклы разве плачут? Улыбаются, как одна. А ведь их чуть не выкинули! Бери пример!

Мама покупала дочери только книги, альбомы, краски, развивающие игры. Полезные вещи, как она их называла. Куклы к полезным вещам не относились.

Кукол привозил папа.

Мама презрительно хмыкала, когда он приводил дочку домой с прогулки в Нескучном Саду, и она, светясь счастьем, прижимала к груди очередную игрушку.

– Откупаешься...

Папа только виновато улыбался. И опять уходил. А возвращался всё реже и реже.

Людин папа строил электростанции. Он побывал во многих замечательных городах. В Праге, откуда привез дочке глиняную фигурку Голема и сказал, что эта кукла, если сказать ей правильные слова, будет помощником во всех делах. Люда по ночам шептала над куклой волшебные заклинания, укрывшись одеялом с головой. Верила, что все сбудется. И горько-прегорько плакала, когда глиняная фигурка разбилась. В Будапеште, откуда родом Петра с ярким румянцем на щеках, красных кожаных сапожках, платье с кружевным передником и затейливым головном уборе с крупными бусинами и цветами. Правда бусины вскоре оторвались, но Люда втихоря разорила мамину жемчужную нитку (за что была лишена сладкого) и пришила новые. В Берлине, где сделали специально для Люды (так сказал ей папа) куклу Мадин – с голубыми глазами, которые она умела закрывать, пушистыми густыми ресницам и белокурыми локонами. А какой у нее был чудесный брючный комбинезон! И даже туфли, надетые на белые носочки. Люда очень гордилась этой куклой, ведь ни у кого в классе такой не было. В Риге, где папа купил для Люды куклу Эгле, королеву Ужей в длинном платье, расшитом пайетками, будто змеиная кожа, в короне со сверкающими стразами. Эту куклу Люда недолюбливала, королева была слишком помпезной и заносчивой. Во всех Людиных играх Эгле отводилась роль злодейки. Последнюю куклу папа привез Люде из Москвы. Большую, в красном сарафане с золотыми цветами. В высоком кокошнике, украшенном стеклярусом. С алой лентой в туго заплетенной русой косе. Как у Люды. Эту куклу она берегла больше всех. Никогда в нее не играла, только любовалась.

Люда с мамой и бабушкой жили в Ленинграде. В коммунальной квартире на пять семей, в старинном доме на улице Декабристов. С тяжелой дверью парадной, высоченными потолками и мрачным двором-колодцем. Люда любила свой город. Даже его вечный туман, пробирающий до костей ветер и серо-свинцовую, меланхоличную Неву.

Любила больше, чем выжженные солнцем, пропитанные горьким запахом полыни степи Приазовья и бескрайние поля желтых подсолнухов недалеко от Мариуполя. Ее отправляли туда каждое лето к бабушке и дедушке, родителям папы. На море. Море Люде нравилось. Оно было тёплое и ласково гладило её босые ноги.

Теперь это море – уже в другой стране. И нет такого города – Ленинград. Он называется Санкт-Петербургом. И бабушки Людиной тоже нет. И нет папы. И девочки Люды нет. Она выросла, стала взрослой.

А куклы остались.

Когда папа ушел, мама, несмотря на протесты бабушки, немедленно затеяла ремонт. Пришли рабочие, безжалостно ободрали все обои, оббили штукатурку, оторвали плитуса. А когда строители продавливали стены, чтобы упрятать в них проводку, наткнулись на нишу, в которой видимо, когда-то давно была печка. В нише, завернутая в ветхую, вылинявшую до неопределенного цвета тряпку, обнаружилась старая кукла. В розовом газовом платице с блёстками,

чёрных саржевых башмачках. С фарфоровой головой, с каштановыми локонами настоящих волос. Люда не могла оторвать от нее глаз. Такой красоты она еще никогда не видела. Кукла была сделана так искусно, что казалась живой. Глаза из цветного стекла под длинными изогнутыми ресницами, тонкие пальчики на кукольных ручках, изящная фигурка...

Люда была в восторге от удивительной находки. Только бабушка, взглянув на куклу, будто окаменела. Долго молчала и курила на кухне одну сигарету за другой. Ни мама, ни Люда не могли понять, в чем дело. Пока бабушка молча не достала из шкафа старый истрепанный альбом. А оттуда – пожелтевшую, изломанную в нескольких местах фотографию девочки лет пяти, удивительно похожей на Люду.

– Сестра твоя. Ольга, – отрывисто бросила бабушка, отдав снимок маме Люды. – Блокада... Не сберегла я её...

И заплакала. Люда впервые в жизни видела, как плачет бабушка.

Старую куклу девочка назвала Олей. И не расставалась с ней.

Люда любила сказки. Читала их взахлеб. И конечно же знала сказку про деревянного уродца, игрушку, ставшую Прекрасным Принцем и девочку Мари, победившую Мышиного Короля.

И как-то раз сказка ожила. Есть такие места, где сказки живы всегда.

Перед Новым годом учительница повела их класс в Мариинский театр. На «Щелкунчика».

Сердце выпрыгивало из груди, когда она поднималась по мраморной лестнице. Почти не дышала, когда вошла в зрительный зал и, закинув голову, разглядывала огромную люстру на высоченном расписном потолке. Хрустальные подвески искрились так ярко, что болели глаза. Осторожно усевшись в кресло, Люда кончиками пальцев гладила мягкий темно-красный бархат сиденья. Вытягивала шею, чтобы рассмотреть музыкантов в оркестровой яме...

Но как только погас свет, открылся занавес и зазвучали первые аккорды, Люда забыла обо всём.

Громадная Рождественская Ель посреди сцены таинственно мерцала огнями. Ожили герои сказки: Мари, Щелкунчик, гадкий Мышиный Король, часовщик Дроссельмейер, добрый и пугающий одновременно, Фея Драже и танцующие вальс Цветы. Дивная музыка заставляла её горло сжиматься, а глаза наполняться слезами.

А в антракте Люда замерла перед витриной с большими, в рост человека, восковыми куклами – Принцем в шелковом плаще и сверкающей короне рядом со своей ненаглядной Мари и дядюшкой Дроссельмейром в чёрном сюртуке и шляпе с высокой тульей. Прилипнув носом к стеклу, Люда не могла оторвать глаз от кукол. Смотрела, смотрела и смотрела... И вдруг отшатнулась, вздрогнув от страха, когда ей показалось, что часовщик подмигнул ей.

Восторг от спектакля был таким, что Люда упростила мать отдать её в кружок хореографии во Дворце Пионеров. Самым любимым сольным номером стал танец Куклы – когда в пышной розовой пачке, золотых балетках и с огромным атласным бантом её «доставали» из большой коробки и "заводили" ключиком. И Кукла начинала танцевать.

Каждый раз, возвращаясь с занятий, Люда проходила мимо большого серого мрачного дома на углу улицы Декабристов и Английского проспекта. Этот дом, с высокими темными окнами и массивной дверью парадной, всегда закрытой, вызывал у девочки непонятный трепет. Как-то вечером Люда после кружка с подружками отправилась к Мариинскому театру, чтобы поглазеть на настоящих балерин через окно репетиционного зала. Возвращаясь домой позже обычного в ранних питерских сумерках, густых, но прозрачных, будто нарисованных акварелью по мокрой бумаге, она привычно задержала дыхание и ускорила шаг, чтобы побыстрее пройти мимо странного дома на углу. Но что-то заставило Люду поднять глаза...

Серого мрачного дома больше не было. Резные каменные кружева, яркие мозаики. Огромная сказочная птица, будто поддерживала своими крыльями причудливую башенку на

самом верху. Дверь парадной была распахнута настежь, а в проеме, откуда лился странный голубоватый свет, стоял человек в чёрном плаще и высокой шляпе. Дядюшка Дроссельмейер ласково улыбнулся Люде и поманил ее рукой. Она, словно во сне сделала шаг вперед. Но вдруг стало так жутко и она крепко зажмурилась...

Когда Люда открыла глаза, то увидела закрытую дверь парадной и серый мрачный фасад с темными окнами.

Она бежала по улице, тускло освещенной неверным светом фонарей, и сердце её билось где-то в горле. Ей всё казалось, что человек в чёрном плаще и шляпе догонит и вцепится в плечо костлявыми холодными пальцами.

Ночью она долго не могла уснуть, уложив рядом всех своих любимых кукол, будто они могли ее защитить.

Куклы навсегда остались для нее живыми. Они говорили на понятном только Людмиле языке, помогали, поддерживали, утешали. Она продолжала верить в чудеса.

Мама мечтала о том, что её дочка станет актрисой. Сама она в молодости тоже пыталась поступать в театральный, но провалилась, пошла работать на завод, потом закончила бухгалтерские курсы и всю жизнь корпела над балансами и счетами. Мама хотела для Людмилы особенной, яркой судьбы.

Саму Людмилу актерство не привлекало. Будучи от природы немного застенчивой, она не слишком любила выступать на публике, хотя мама с самого детства заставляла ее читать перед подругами стихи, выпрашивала у воспитателя в детском саду для дочки роль Главной Снежинки на утреннике и утирала слёзы платочком, когда сидела в зале на школьных постановках.

Закончив школу с серебряной медалью, Людмила решила поступать не в театральный, как хотела мама, а в ЛГУ, на факультет журналистики. На подготовительном отделении будущие студенты готовили творческие задания – пытались снимать репортажи, выпуски новостей и авторские программы. Кто-то писал сценарии и тексты, кто-то сразу хватался за камеру. Девушкам с яркой внешностью доставались роли телеведущих и дикторов. Людмиле тоже как-то дали в руки микрофон и поставили перед камерой. Она лихорадочно повторяла про себя текст, но как только прозвучала команда: «Пишем!» и заморгал красный огонек записи – мир вокруг нее перестал существовать. В ушах зашумело, на лбу выступил холодный пот. Слова приклеились к небу как растаявшая ириска. Людмила с трудом преодолела ступор и пролепетала заученные слова. А самое ужасное было потом, когда она смотрела на свое изображение на экране. В черной рамке телеэкрана была кукла, похожая на нее как две капли воды, только нелепая, деревянная, она механически открывала рот и произносила чужим голосом слова. Этот страх поселился в душе Людмилы навсегда.

Экзамены она сдала блестяще, и уже вскоре стояла перед списками абитуриентов, зачисленных на первый курс. Как радостно трепыхнулось сердце, когда она разглядела свою фамилию!

Первые лекции, первые бессонные ночи и первые экзамены, клуб «Синяя лампа», студенческие спектакли – все закружилось ярким калейдоскопом.

Университету, а точнее одному из его неведомых окон, Людмила была обязана и знакомству с будущим мужем.

В тот не по-питерски солнечный майский день, когда второй в ее жизни семестр был позади, а сессия только маячила на горизонте, Людмила еще с тремя девчонками, накинув поверх легкого цветастого платья выданный завхозом тетей Раей темно-синий халат и убрав волосы под косынку, стояла на подоконнике большого, в человеческий рост окна. Жмурясь от солнца, она безуспешно пыталась избавиться от разводов на стекле. Запах нашатыря разъедал глаза, со лба стекали капельки пота, голова начинала кружиться.

Ну кто придумал мыть окна в солнечную погоду? Ее подружки, бросив эту безнадежную затею, уже уселись на подоконник, болтая ногами и щебеча о каких-то глупостях. Но Людмила упорно продолжала натирать оконное стекло.

Увлечшись, она не заметила, что подружки примолкли, будто птички в клетке, которую накрыли платком, и вздрогнула, услышав насмешливое:

– Девушка, если вы не прекратите тереть, на стекле будет дырка!

Она повернулась, чтобы ответить наглему... Но вдруг все поплыло перед глазами, и она пошатнулась.

Ее поймали мужские руки. Красная от смущения, она смотрела в серые глаза своего спасителя.

– Отпустите, – пролепетала она, чувствуя, как приливает к щекам и стучит в висках кровь.

Ее осторожно посадили на подоконник. Прохладные уверенные пальцы сжали запястье.

– Пульс частит... Разве можно столько работать! – опять насмешка.

Злые слезы жгли глаза, но Людмила сказала себе: "Не реви!". Так всегда говорила ей бабушка.

Вырвала свою руку, хотела соскочить с подоконника и убежать.

– Сидите спокойно! – сказал строго ее спаситель, и она почему-то послушалась.

– А вы что, врач? – выдавила она из себя.

– Ну, почти, пока интерн, – улыбнулся он, и ее сердце начало падать куда-то в пустоту. – Давайте знакомится? Я Руслан.

– Людмила.

– Надо же, как у Пушкина в сказке, – удивился он. – Это точно судьба. А вы – совершенно определенно учитесь на телеведущую!

– Почему?

– С вашей-то внешностью, только на экран.

Людмила фыркнула, но смутилась. Принимать комплименты ей было не в первой, но услышать этот было отчего-то особенно приятно.

– На первом курсе еще нет разделения, – ответила она, не сдержав улыбки. – И я вовсе не мечтаю о телевидении.

– А по-моему, вы просто созданы для телеэкрана! И имя у вас такое замечательное. Людмила, Мила, Милочка. Можно я вас так буду называть?

– Можно, – ответила Людмила и опять смутилась.

А потом были прогулки по полным влажного шепота листьям аллеям Петергофа. И брызги солнечных зайчиков в фонтанах. И поцелуи под мостами на маленьком речном трамвайчике, неспешно пробирающемся по каналам. И сломанный каблук на брусчатке Дворцовой площади, когда они бежали, боясь не успеть до развода мостов.

Через две недели, Руслан привёл девушку к себе. Знакомиться с родителями. Квартира Сикорских была в седьмом номере на Большой Разночинной, в бельэтаже, как шутливо заметил Руслан. Людмила ужасно волновалась. Слово бельэтаж напомнило ей театр.

Сикорский-старший, высокий, статный и седой, оглядев Людмилу с ног до головы, неожиданно строго спросил:

– Так вы та самая барышня, из-за которой мой сын завалил экзамены в аспирантуру?

Людмила опешила, затем ощутила, как пальцы Руслана стиснули её ладонь, и благодарно ответила ему, сжав его руку еще сильнее.

– Ну, Николай Аскольдович, довольно, – вынырнула из-за профессорской спины невысокая, яркая, будто игрушечная, Мария Ивановна, – совсем девочку запугал, никакой жалости...

– Мария, не мешайся! – грозно оборвал ее профессор, – жалость унижает! А врача делает преступником! И вообще, уже четверть седьмого!

Мама Руслана внимательно поглядела на профессора Сикорского.

– Потерпите. Аппетит сделается зверский, – обронила она. – Пойдёмте, милая, – обратилась она к Людмиле. – Пусть как следует обрызгают желчью друг друга перед едой. А мы займёмся ростбифом.

На кухне Мария Ивановна попросила:

– Передайте мне, Людмила, вот то блюдо, фаянсовое, да это. Вы готовили бруснику раньше? Нет? У меня отменный рецепт соуса.

– Ну разве компот, – ответила, наконец, Людмила, радуясь возможности хоть что-то сказать.

– Оригинальный вкус у этой ягоды, – спросила Мария Ивановна, – не правда ли?

– С горчинкой, – согласилась Людмила.

– Именно, – ответила Сикорская, – берите соусник...

Через полчаса все сидели в просторной столовой за ужином. Профессор, явно подобрав, расспрашивал ее об учебе, о будущей профессии. Людмила отвечала вначале односложно, потом увлеклась. Руслан иногда вставлял несколько слов, пытаясь ее поддержать.

Мария Ивановна улыбалась. Ела. Молчала.

Негромко тикали напольные часы.

– Значит, журналистика. В телевизор попасть, – Николай Аскольдович вытер салфеткой губы – Ну да, ну да... Для женщины разве это важно? Семья, дом, дети – вот главное.

– Папа, твои взгляды... – начал было Руслан.

– Правильные у меня взгляды, – прервал его профессор. – И не спорь. Молод еще. Лучше про аспирантуру думай. Пока не поздно.

– Отец, давай не сейчас, – тихо попросил Руслан, – ты же знаешь, решения не изменю.

– Упрямец, – то ли сердито, то ли с гордостью сказал Николай Аскольдович. – Наша порода.

– Людмила, – сказала Мария Ивановна, – ну что же вы? Пробуйте! Вот грузди, особые, по-моему. Вам надо всё попробовать. Между прочим, вы зря не берёте картофель. Это очень интересный рецепт – ирландский, с можжевельником...

Смотрины оставили после себя горьковатый привкус брусничного соуса, приглашение на следующих выходных на дачу, теплое чувство к маленькой ласковой Марии Ивановне и благоговейную робость перед грозным Сикорским-старшим.

Мама Людмилы была в совершенном восторге от видного жениха и профессорской дачи.

– Держись за него зубами, – поучала она дочку, собиравшуюся на свидание. И с удовольствием наряжала дочку в собственноручно сшитое по выкройкам из журнала «Бурда-моден» новое платье. Обязательно с летящей юбкой. Мама хорошо шила и с детства любила наряжать Людмилу.

Руслан – высокий, по-мужски красивый, «породистый», как мама любила его называть, хвастаясь перед подругами, вызывал в будущей теще почти неприличный восторг.

Татьяна Петровна краснела будто девочка, когда тот появлялся на пороге их квартиры с неизменным букетом цветов, не знала, куда усадить дорогого гостя, чем угостить. Когда Людмила поссорилась с женихом и втихомолку плакала на кухне, роняя слезы в недопитый чай, мама устроила ей истерику, обзывала недалекой дурочкой и неудачницей, которая обязательно проворонит свое счастье. Но, к ее радости, влюбленные вскоре помирились.

Людмила с головой ушла в свою невероятную любовь и не узнавала себя. Вещи, которые раньше были самыми важными: учеба, творчество, будущая работа, – стали серыми и скучными. Она, бессменная неподкупная староста группы, которую было невозможно уговорить прикрыть прогулы, сама стала пропускать пары, сбегая к своему ненаглядному Руслану, чтобы погулять с ним по Петергофу или покататься на речном трамвайчике по каналам.

Незаметно пролетел второй курс. Людмила мама уже видела свою Людочку диктором как минимум программы «Время» и рассказывала взхлеб подружкам, какую головокружительную карьеру на телевидении сделает ее дочурка.

Людмила послушала маму, но проучившись один семестр, поняла, что не сможет постоянно преодолевать свой страх перед камерой и микрофоном. Не сказав маме ни слова, она перевелась на литературное редактирование. Мама тяжело переживала крах своей мечты. Утешиться Татьяна Петровна смогла только через год, когда появился новый предмет обожания и радужных надежд – внук Антон.

Руслан и Людмила поженились в начале июня девяносто пятого года в тихий и солнечный летний день, и разомлевший от еще не жгучего, ласкового солнца Город, казалось, радовался вместе с ними. Венок из живых цветов плыл по темной воде летней Невы. Чернел словно нарисованный тушью на молочно-сером небе шпиль Адмиралтейства.

И была первая ночь, безумная, страстная, желанная. Белая ночь, не прятая от его восхищенных глаз ее обнаженное тело, юное, трепещущее и податливое.

Еще год после свадьбы Людмила жила, будто во сне. Боялась, что ее Руслан исчезнет, как когда-то отец. Не могла дождаться его домой. Просыпалась среди ночи с бьющимся сердцем, и, поняв, что он рядом, отчаянно прижималась к родному плечу. Проводила ладонью по его чуть шершавой щеке, будто не веря, что это не сон.

Она таяла от нежности, когда он, уже врач-стажер в районной больнице, приходил под утро с ночного дежурства. Будил ее, откинув рывком одеяло, и покрывал теплое и мягкое ото сна тело иступленными поцелуями, жесткими, иногда до боли, иногда оставляя следы, которые потом разглядывал с каким-то странным удовольствием, проводя по ним кончиками пальцев или касаясь губами.

Людмила любила в муже все: его руки с сильными и чуткими пальцами, всегда пахнущие йодом, серые глаза, внимательные и серьезные, волосы, жестковатые, аккуратно подстриженные, в которые было так приятно зарываться. И прощала ему все: излишнее упрямство и требовательность, привычку все решать за двоих и педантичность.

Они были действительно счастливы. И после рождения сына, и спустя десять лет. Людмиле казалось иногда – они понимают друг друга без слов, существуют как единый организм. Дышат в унисон, произносят одновременно одинаковые слова. Чувствуют на расстоянии, будто связанные невидимыми нитями. Им хватало времени на все: на маленькие глупости и милые сюрпризы, на прогулки по Петергофу, вылазки в лес, концерты, кино и театр. Им нравились одни и те же книги, они могли часами обсуждать новую роль Алисы Фрейндлих, или скандальных «Служанок» Виктюка.

Но жизнь ускоряла свой темп, и времени друг для друга оставалось все меньше. Запланированная прогулка втроем в зоопарк вдруг срывалась, так как Руслан брал дополнительное дежурство. А в день годовщины свадьбы Людмила сидела одна за праздничным столом и кусала костяшки пальцев, чтобы не разреветься. Руслан приходил за полночь, когда она уже уснула, свернувшись калачиком на диване. Неловко чмокнув Людмилу в щеку, Руслан шептал: «Срочная операция... прости... купить цветы не было времени».

Людмила начала тихо ненавидеть свои дни рождения. Раньше они были долгожданными из-за милых и неожиданных сюрпризов мужа, вроде романтического вечера вдвоем в уставленной свечами и усыпанной лепестками желтых роз спальне. Руслан, конечно ни разу не забыл ее поздравить. Но теперь все сводилось к дежурному букету и предложению выбрать самой себе подарок. Ей вдруг стало казаться, что он делает это по привычке, просто чтобы ее не обидеть. Раньше Руслан обожал придумывать ей нежные прозвища. Теперь он вообще почти не называл ее даже по имени, будто стеснялся его. Людмила чувствовала, что в их отношениях что-то неуловимо меняется. Всё чаще возникало неприятное чувство отчуждения, словно одна за другой рвались тонкие ниточки, протянувшиеся между ними. Всегда спокойный, заботли-

вый, нежный, Руслан становился раздражительным, нервным, вечно недовольным. Все чаще срывался на нее и сына, потом просил прощения. И даже в постели, которая всегда была их отдушиной, она все чаще ловила себя на том, что гармония, безоглядное счастье растворения в любимом куда-то испаряются, уступая место вызывающей досаду торопливости.

Сначала Людмила во всем винила тяжелую изматывающую работу Руслана, постоянное недовольство тем, что им не хватало его скромной зарплаты врача. Он пытался работать на "скорой", брал дополнительные ночные дежурства. Людмила тоже хваталась за любую работу, которая приносила хоть какой-то заработок, – копирайтера, фрилансера, ридера, подрабатывала корректором в нескольких издательствах, строчила «джинсу» – заказные тексты со скрытой рекламой, доводила до ума чужие статьи.

Но постепенно она поняла, дело не только в работе и деньгах.

Время, которого раньше хватало на все, вдруг начало сжиматься, подгоняло, заставляло постоянно куда-то спешить и кого-то догонять. Стремительно мелькали дни, монотонные, похожие как две капли воды друг на друга, и постоянный страх не успеть, опоздать, проспать, не уложиться в сроки гнал вперед. Но это был бег по кругу.

Глава 2

Людмила работала редактором рубрики в редакции глянцевого журнала «Иван да Марья». Главред Большова ценила ее за безотказность и добросовестность, ей самой удавались толковые тексты, а если было нужно – Людмила Евгеньевна могла быть строгой и даже жесткой. Все авторы-внештатники, писавшие для ее рубрики «Женский взгляд», знали – нет ничего страшнее, чем не успеть сдать материал до дедлайна или схалтурить. Среди внештатников попадались и талантливые люди, которым Людмила могла доверить ключевой материал и потом не переписывать текст с нуля. Но были и совершенно безнадёжные. Как Маша Житникова, например. Людмила бесчисленное количество раз грозилась разорвать с ней контракт, но после очередного китайского предупреждения и истерик по телефону, жалела и сдавалась. Житникова была одинокой мамой с пятилетним сыном. И это было ее охранной грамотой. На этот раз Маша, после очередного скандала с провальной статьей про шубные туры горела желанием встать на путь исправления и занялась актуальной темой: «Как оживить супружеские отношения». Правда и эта тема была явно выше планки Житниковой, и Людмила уже завернула три или четыре текста, напичканных штампами, выдержками из «Камасутры» и советами попробовать свингерский секс, тантрический массаж, секс-туризм и еще нечто такое же экзотическое.

Наконец, Маша выслала Людмиле статью под названием «Связанные судьбой навек».

Людмила поморщилась от банальности заголовка и без особого энтузиазма начала читать текст. Он был как всегда почти безнадежен. «Полные любви глаза», «два сердца как одно в унисон»... Напыщенные фразы, цветистые обороты, тошнотворный пафос. Людмила одолела текст с третьего раза. Но во всем этом невообразимом винегрете она нашла кое-что интересное – корявое и не слишком убедительное, но довольно подробное обобщение имеющихся современных методик психотерапии и психоанализа для оптимизации отношений между супругами. А еще Людмиле бросилось в глаза упоминание о некоем психоаналитике и сексологе Штале. Как безапелляционно заявляла автор статьи, со ссылками на многочисленные восхищенные отзывы на сайте его кабинета психологической помощи, этот доктор был настоящим волшебником,

Конечно же, доверять Маше Житниковой в таком вопросе Людмила не могла. Еще раз перечитала текст, с прискорбием убедилась – его придется переписывать от первого до последнего знака. И решила начать с проверки источников.

Вечером Людмила сама нашла сайт доктора Шталя, и лично прочитала полные восторженных вздохов отзывы его клиентов. Но доверять только одному источнику она не привыкла. К тому же сайт доктора наверняка модерируется, а негативные отзывы могут просто удаляться.

Уже около года, как Людмила завела свой личный блог. Зачем, она не знала. Но ей нравилось писать короткие, эмоциональные тексты и отпускать их в свободное плавание по сети. Скрытая за своим ником sunflower и яркой аватаркой с подсолнухом, она могла откровенничать с незнакомыми людьми, доверять им свои тревоги и сомнения, делиться эмоциями и переживаниями. Было нечто завораживающее в незримой, нематериальной связи, что устанавливалась между ней и ее читателями. Со временем их становилось все больше, они оставляли комментарии, завязывались беседы, а с некоторыми и некое подобие дружбы.

Людмила решила, что ее блог может помочь ей и в этом деле. Она оставила пост, в котором попросила отозваться тех, кто обращался за помощью к доктору Шталю.

Утром, уже в редакции Людмила зашла на свою страничку. Авторы комментариев к ее посту как один утверждали, что доктор Шталь – волшебник. Людмиле стало интересно. Она решила позвонить. Ответил приятный женский голос:

– Кабинет психологической помощи доктора Шталя. Здравствуйте! Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте. Я могу встретиться с доктором?

– Конечно! А какого рода у вас проблемы?

Людмила растерялась.

– Проблемы... у меня нет. Я просто хотела уточнить...

Видимо ее лепет собеседницу не вдохновил.

– Доктор общается с пациентами только в форме сеансов терапии. Так вас записать?

– Нет, спасибо, – поспешно ответила Людмила и повесила трубку.

Несколько дней она мучилась в раздумьях, почему этот доктор не идет у нее из головы. Какое-то неясное ощущение того, что встреча с этим Шталем просто необходима, не давала ей покоя. Промучившись дня два, Людмила решила и позвонила снова. Все тот же приятный женский голос задавал стандартные вопросы, а после того, как она ответила, что замужем, ей спокойно и корректно посоветовали прийти на прием вместе с мужем. Людмила пообещала подумать.

Несколько дней она хотела рассказать Руслану о докторе Штале, но боялась добавить еще градус к его все растущему раздражению. Мысль о посещении доктора точила ее изнутри, как надоедливый грызун. И наконец, удобный момент подвернулся сам собой.

Вечером Людмила мыла посуду, а Руслан уткнулся в какой-то медицинский журнал, время о времени отрываясь, чтобы заглянуть в тетрадку к Антошке, который здесь же, за кухонным столом, задумчиво грыз кончик карандаша и постигал премудрости арифметики. В небольшой квартирке Сикорских кухня была по вечерам еще и гостиной, и детской, к тому же отец предпочитал контролировать процесс приготовления уроков лично.

Арифметика Антону не давалась. Он пытался, краснел, ерзал на стуле, но попросить отца о помощи не желал. Характер у сына был в точности папин – упрямый и жесткий, а самоуверенности было не занимать. А Руслан лишь посмеивался, терпеливо ожидая, когда упертый отпрыск сдастся перед желанием поиграть в свою любимую компьютерную игру.

Напряжение нарастало, и Людмила уже чувствовала его даже спиной.

– Эта задача составлена неправильно! – заявил, наконец, Антон. – Я не могу ее решить.

– Можешь, – спокойно и твердо ответил Руслан, не отрываясь от своего журнала. – Просто не хочешь.

– Нет, не могу, – набычился сын.

– Значит, на неделю будешь лишен компьютера, – все также спокойно ответил Руслан, откладывая журнал.

Людмила смотрела на сына и мужа, буравящих друг друга взглядами. На лбу у Руслана пролегла глубокая морщинка. Ей так захотелось разгладить ее пальцами. Злой, красный Антошка, первым не выдержав этой игры «Кто кого переглядит», в сердцах переломил пополам карандаш и бросился вон.

– Две недели! – крикнул ему вслед Руслан.

– Да хоть три! – послышалось в ответ.

Резко хлопнула дверь кухни.

Людмила увидела, как потемнело от гнева лицо мужа, как он порывисто вскочил с места и хотел, было, пойти за сыном. Больно екнуло сердце. Схватила его за руку.

– Рус, не надо, оставь его.

Руслан грубо вырвал ладонь и набросился на нее с упреками:

– Мила, это твоя вина! Вечно за него заступаешься! Глупая слепая материнская любовь! Вырастет недорослем! Если сейчас упустить время – потом не наверстаешь!

Она отступила на шаг, будто отброшенная волной злости и раздражения. Обида окатила ее как кипятком, в носу защипало.

Хотела ответить, но горло перехватило...

Руслан выскочил из кухни и раздраженно с размаху плюхнулся на диван, так что тот жалобно скрипнул. Схватил пульт от телевизора, стал переключать каналы. Антон съежился в другом углу комнаты в кресле. Его плечики вздрагивали, но он упрямо глотал слезы, стараясь не разреветься.

Людмиле захотелось броситься к сыну, прижать к груди, утешить. Но это только добавило бы напряженности. Повторяя про себя: «Не реви... не реви», она подошла к дивану и тихо села рядом с мужем. Нарочито отвернувшись, он уставился в телевизор. На затылке смешно торпорщились несколько волосков, выбиваясь из аккуратной стрижки. Перевела взгляд на сына. Такая же «прядка упрямец». Задохнулась от нежности к двум своим самым дорогим мужчинам. Положила руку ему на колено. Он сделал вид, что не заметил.

– Ну прости, – примирительно начала она. – Ты прав.

Руслан не обернулся, только буркнул что-то под нос, продолжая переключать каналы. Антошка обиженно засопел: понял, что мама заступаться не будет. Сполз с кресла и, зыркнув на отца исподлобья, поплелся на кухню, мучиться над задачей.

– Рус, – продолжила Людмила, – мне нужно от тебя одно одолжение.

Она провела пальчиком по его коленке, рисуя какой-то узор.

Руслан увлеченно смотрел выпуск новостей. Но руку ее не оттолкнул. Это было хорошим знаком.

– Мне нужно сходить к одному психологу.

Вполборота посмотрел на нее, скептически поджал губы. И снова вернулся к накалившейся международной обстановке.

– Он не примет меня одну.

Снова обернулся, посмотрел уже вопросительно.

– Он консультирует только семейные пары.

– Очередной шарлатан, – презрительно хмыкнул Руслан и снова сделал вид, что самое важное – проблемы Ближнего Востока.

Людмила вздохнула. Разговор зашел в тупик.

– Большова сказала, что редакция заплатит за его услуги. Понимаешь, эта Житникова, мой внештатник. Ее статья... Впрочем, мне нужно проверить достоверность источников. В ее статье этот доктор подан как волшебник. Вдруг он поможет и нам тоже...

Людмила осеклась, понимая, что сделала ошибку.

Руслан резко сбросил ее руку со своего колена.

– Не вижу никаких причин обращаться к какому-то мозгоправу! И жаль тратить время, которого и так нет. У меня в день по две-три операции!

Оставалось последнее средство. Руслан не выносил ее слез. Она это прекрасно знала, хотя пользовалась этим оружием очень редко. Людмила вообще очень редко плакала. Как ее бабушка. Но теперь это было единственным шансом уговорить мужа сходить к Шталю.

– Неужели так трудно мне помочь, – всхлипнула она, – это так важно для меня... И для нас, тоже... Тебе жаль для меня каких-то нескольких часов?

Вскочила и отошла к окну. Обняла себя руками. Слезы стекали по щекам, щекоча подбородок, но она не хотела их вытирать. Пусть любит. Пусть любит.

Теплые ладони легли на плечи.

– Мила. Это нечестно, – выдохнул Руслан ей в макушку. – Это запрещенный прием.

– Я знаю, – она хлопнула носом. – Но ты не хочешь по-хорошему.

– Не плачь, пожалуйста...

Ладонью стер мокрые дорожки со щек. Достал свой платок, вложил в ее руку.

– Сдаюсь, – теплые губы у нее на шее. – Если редакция платит – сходим к твоему шарлатану-мозгоправу. Выкрою как-нибудь полдня. Только один раз!

Обернулась, прижалась к его плечу, вдохнула его запах. Родной... Стало стыдно от того, что так с ним поступила. Опять разрыдалась, сладко, безутешно.

Утром Людмила буквально летала по редакции, окрыленная. Большова ни разу не упомянула ее "добрым словом" на планерке, на электронной почте оказались еще три статьи от внештатников, все как на подбор вполне приличные. Удивительно, но ей казалось, что этот доктор Шталь перевернет ее жизнь, спасет ее исчезающее, тающее как облачко на летнем небе счастье. Работа над статьей Житниковой отошла на второй план, стала не такой важной.

Заручившись согласием главреда на оплату услуг доктора Шталя за счет редакции, Людмила снова набрала уже знакомый номер. Все тот же приятный женский голос ответил ей, что доктор сможет принять их в пятницу, в пять часов вечера. И назвала адрес. Угол Декабристов и Английского проспекта. Тот самый Дом-Сказка.

Женский голос еще о чем-то ей рассказывал, но Людмила уже ничего не слышала. Перед глазами снова был дядюшка Дроссельмейер в черном плаще и высокой шляпе из видения ее детства. Ласково улыбаясь, старик манил ее рукой в широко распахнутую дверь, за которой мерцал таинственный голубоватый свет.

Положив трубку, Людмила еще долго не могла унять сердцебиение. Ее радостное предвкушение и воодушевление померкло. Первой мыслью было отказаться от этой идеи. Но она уже договорилась с Русланом. И такой ценой! Если она скажет ему правду, почему передумала... «Да тебе нужен не психолог, а психиатр!» – вот что скажет он и будет прав. Он ненавидит, когда она поступает так – непоследовательно и нелогично. Нужно взять себя в руки. Это просто глупый детский страх. Какая разница, где у этого доктора офис? Старинное здание в центре. Вполне respectable место.

До пятницы Людмила промучилась сомнениями, но отступать было некуда.

Всю дорогу она напряженно молчала и не смогла сдержать дрожи, когда под руку с Русланом стояла у знакомого серого здания с высокими окнами и массивной дверью парадной.

Дом почти не изменился со времен ее детства. Только в окнах теперь стояли пластиковые стеклопакеты, на фасаде кое-где появились белые ящички кондиционеров, а дверь, все такая же тяжелая, деревянная, потемневшая от времени, была оборудована домофоном.

Руслан изучил табличку рядом с дверью и нашел фамилию доктора Шталя. Набрал нужные цифры, нажал на кнопку вызова, и тут же послышался знакомый Людмиле приятный женский голос:

– Приемная доктора Шталя.

– Сикорские. Нам назначено на пять.

Руслан выглядел спокойным. Но Людмила чувствовала, как он сдерживает свое раздражение. Это было не его решение. Он терпеть не мог делать что-то против своей воли.

Сухо щелкнул магнитный замок, и дверь медленно приоткрылась. Людмила ощутила легкий холодок по спине и вздрогнула всем телом.

– Боишься? – спросил Руслан, усмехаясь, – Ты так просилась на прием к этому шарлатану. Хочешь, давай уйдем?

Людмила решительно покачала головой и шагнула вперед, в полутьму парадной.

Гулкое эхо их шагов, будто мячик, отскакивало от стен и терялось в высоте лестничных пролетов. Лифта в доме не было. Широкие чугунные ступени лестницы с деревянными лакированными перилами вели наверх. Людмила старалась ступать как можно тише и морщилась от громкого стука своих каблучков.

Офис доктора располагался на третьем этаже. Обитая темно-бордовой искусственной кожей дверь с золоченой табличкой: «Кабинет психологической помощи. Кандидат наук Б.Р. Шталь».

Руслан нажал на звонок.

Миловидная девушка, белокурая, изящная, в строгом темно-синем костюме и белой блузке, с приветливой улыбкой посторонилась, пропуская их в прихожую, ярко освещенную холодным светом подвесных светильников на потолке.

– Здравствуйте, меня зовут Мария. Проходите, доктор уже вас ждет.

Девушка распахнула перед ними высокую деревянную дверь с резной филенкой.

Стены оливкового цвета в черную полосу с тусклой позолотой, плотные портьеры в тон стен. Большие кожаные кресла. На массивном письменном столе из темного дерева – дорогой настольный набор с хрустальным глобусом.

Людмила осторожно опустилась в кресло, показавшееся ей слишком глубоким. Неловко поерзала, устраиваясь на самом краешке, и замерла, напряженная до боли в спине. Мельком глянула на мужа. Он скептически усмехнулся.

Доктор Шталь оказался строгим, подтянутым мужчиной лет сорока пяти, с коротко подстриженными почти седыми волосами. Внимательные, чуть прищуренные глаза за линзами очков в изящной золоченой оправе. Резкие черты лица и тяжеловатый подбородок выдавали в нем немецкие корни.

– Ну что же, – голос у доктора был тихим, но глубоким и приятным, – давайте знакомиться. Шталь. Борис Робертович. Поэтому удобнее будет называть меня доктор Шталь. А вы, значит, Руслан и Людмила Сикорские. Как поэтично.

Доктор улыбнулся и его лицо немного смягчилось.

– Сколько лет вы женаты? – продолжил доктор.

– Двенадцать, – ответил Руслан.

Людмила была рада, что за нее ответил муж. Ей все еще было неудобно, она оглядывала кабинет доктора с опаской, словно из-за плотных портьер мог в любую минуту показаться старик в черном плаще и высокой шляпе.

– Отличный возраст для семьи, – Шталь снова улыбнулся. И опять Людмила вспомнила детское видение и судорожно вздохнула.

Этот вздох не остался незамеченным.

– Людмила? – обратился доктор к ней, и она вздрогнула от неожиданности, – вы очень напряжены. Может быть, чай? Или кофе?

– Спасибо, не нужно, – ответила она, смущаясь, будто доктор прочитал в ее голове глупые страхи.

– Хорошо, – продолжил доктор. – Итак, двенадцать лет. И у вас есть сын.

– Антон, третьеклассник, – не без гордости ответил Руслан. – Мамин баловень.

Людмила посмотрела на мужа с укором.

– Он не баловень, – ее голос прозвучал глухо и хрипловато от волнения, – он умница и отличник. Почти. Просто гуманитарий и не любит математику.

– Вы очень любите своего сына, – одобрительно кивнул Шталь. – И, кажется, не разделяете взглядов мужа на его воспитание. Нет?

Людмила растерялась. Она никогда не думала об этом.

– Нет... – смутилась, – то есть да... Разделяю, конечно. У нас нет разногласий!

Доктор понимающе кивнул и перевел разговор на другую тему:

– Чем вы занимаетесь, помимо воспитания отличника?

– Я – врач, моя жена – редактор дамского журнала, – снова ответил Руслан за двоих.

Доктор лукаво улыбнулся Людмиле:

– Так вот почему вы хотели попасть на прием одна? Моя скромная персона заинтересовала прессу?

Людмила снова смутилась. Будто доктор уличил ее в обмане.

– Нет, я не репортер, всего лишь редактор. Просто попалась одна статья. Там упоминалось ваше имя.

Шталь хитро прищурился.

– Правда? Надо же. Оказывается, я популярен. И чем я могу помочь? Давайте поговорим о ваших проблемах.

– У нас нет никаких проблем, – немного резко ответил Руслан.

– Поверьте мне, коллега, у людей, проживших в браке больше десяти лет, всегда есть проблемы, – мягко возразил Шталь. – Тем более, что вы заплатили мне за консультацию. И я обязан отработать свой гонорар. А что скажете вы, Людмила?

Она не знала, что ответить. Во всем и всегда соглашаться с мужем стало привычным уже давно. Но тогда им просто придется уйти. Она не хотела уходить.

Людмила вдруг вспомнила, как с какой злостью Руслан бросал ей в лицо обидные слова тогда, на кухне, и снова обида окатила ее горячей волной, накрыло тоскливым ощущением того, как вытекает из их жизни счастье, как воздух из проколотого шарика.

– Конечно, есть, – она решительно выпрямилась в кресле, расправив плечи и перестав неуютно ерзать по гладкой коже сидения.

Руслан посмотрел на нее, недовольно поджав губы. Брови сдвинуты, на лбу снова эта вертикальная складка. Людмиле опять захотелось ее разгладить. Но, взяв себя в руки, продолжила.

– У нас счастливая семья, доктор. Но с некоторых пор мы... вроде как... – она пыталась подобрать нужное слово, чтобы не обидеть Руслана, и донести до Шталя свою тревогу, – устали друг от друга.

Доктор кивнул.

– Я понимаю. Вы, Руслан, наверное, много работаете? В какой области вы практикуете?

Руслан ответил не сразу, снова укоризненно посмотрев на жену.

– Кардиохирургия. Но какое это имеет значение?

– Огромное. Сейчас очень модно все болезни объяснять одним словом «стресс». И если я сейчас скажу вам тоже самое, вы сочтете меня шарлатаном, не так ли? – Шталь лукаво усмехнулся, снова напомним Людмиле дядюшку Дроссельмейера. – Но поверьте, у вас классические признаки синдрома хронической усталости. Давайте проверим.

Руслан недовольно поджал губы. Не хватало еще, чтобы ему ставили диагнозы! Но все же кивнул.

– Людмила, назовите, пожалуйста, лучшие качества вашего мужа. Три. На выбор. Не задумываясь.

Она выдохнула с облегчением. Это было просто.

– Надежность. Заботливость. Твердость.

– Отлично! А теперь три его недостатка, которые, как вы считаете, мешают быть счастливыми.

Людмила задумалась. Вдохнула.

– Раздражительность. Недоверие. Упрямство, – выдала она и испуганно посмотрела на Руслана.

Он вскинул удивленно брови, но промолчал.

– Хорошо. Теперь очередь Руслана. Итак, положительные качества вашей жены?

Руслан поморщился. Эта глупая детская игра его вовсе не забавляла. Но все же ответил:

– Обаяние. Мягкость. Доброта.

– А недостатки? – в глазах Штalia был неподдельный интерес.

– У моей жены нет недостатков, коллега, – в голосе Руслана прозвучала ирония, и Людмиле отчего-то стало обидно. Он будто извинялся перед доктором за ее глупость.

– Как скажете, – согласился Шталь. – Нет так нет. Людмила, а проблемы, о которых вы сказали, были всегда?

Она опять задумалась. Доктор задавал простые вопросы, но отвечать на них отчего-то было все сложнее.

– Нет, – наконец решилась она. – Не всегда. Только в последнее время. Хотя упрямство, это семейная черта.

Руслан хмыкнул.

– Вот вам и диагноз, – заулыбался доктор. – Причем его поставил вам не я. А ваша дорогая супруга. А еще, я уверен, что вас частенько мучает головная боль, сонливость днем и бессонница ночью, временами накатывает апатия, бывают боли в спине и крупных суставах. Так?

Руслан снова поморщился, задумчиво потер подбородок.

– Наверное, вы правы, доктор. Действительно, в последнее время много и напряженно оперирую. И да, у меня есть все эти симптомы. Это моя вина. Я потерял контроль над ситуацией.

– Вы любите все держать под контролем?

Шталь лукаво прищурился и весь подобрался, словно услышавший звук охотничьего рожка фоксхаунд.

– Разве это не естественно? – удивился Руслан.

– Конечно, конечно! – доктор просиял, будто встретил старого знакомого. – Совершенно верно. Контроль очень важен. А ваша супруга? Она разделяет вашу точку зрения?

Людмила уже открыла рот...

– Конечно, – не задумываясь, ответил Руслан за нее. – Ничто так не вредит, как несобранность и разгильдяйство.

Людмиле стало очень обидно. Слова мужа будто хлестнули ее по щекам. Руслан часто принимал решения за обоих, и она давно привыкла к этому. Но сейчас это выглядело слишком уж грубо и натянуто. Глаза наполнились слезами, но она сдержалась. Устраивать сцены в присутствии посторонних было не в ее правилах. Бабушкино воспитание навсегда отучило Людмилу от плаксивости.

Доктор внимательно посмотрел на Людмилу, будто оценивая ее реакцию, перевел взгляд на Руслана. Усмехнулся, сделал какие-то пометки в блокноте.

– У вас твердые жизненные принципы, – произнес он, – это хорошо. Тем более для врача. Думаю, что вы прекрасный специалист. Надеюсь, вас по достоинству ценят коллеги?

Людмила увидела, что Руслан польщен словами доктора. Складка на лбу разгладилась, он сдержанно улыбнулся.

– Не жалуюсь. Хотя клиническая работа меня привлекает больше.

– Я так вас понимаю! Сам пожертвовал местом на кафедре университета, чтобы практиковать. Не хочется тратить время на сухую науку и бумажотворчество. Другое дело, когда видишь результат своих усилий и понимаешь, что можешь помочь.

– Золотые слова, доктор, – согласился Руслан.

Людмила видела, что недоверие ее мужа к Шталю тает, и подумала, что и правда, этот доктор хороший специалист, раз смог расположить к себе Руслана. Да и сама она уже почти перестала испытывать неловкость.

Доктор достал из ящика стола какие-то бумаги.

– Но, если не возражаете, давайте продолжим. Сегодня первый сеанс и мне нужно провести ряд тестов. Возможно, этот покажется немного утомительным. Но поверьте, без точной диагностики и подробных психологических портретов мне сложно будет подобрать для вас нужные методики. Итак, вы готовы продолжать?

Людмила посмотрела на мужа, боясь, что он скажет «нет» и прошептала одними губами: «Пожалуйста...»

Но Руслан вдруг улыбнулся.

– Да, доктор. Если так хочется моей жене... Чего хочет женщина, то угодно Богу, – процитировал он французскую поговорку.

Шталь одобрительно кивнул.

Еще почти час они заполняли какие-то опросники, ставили галочки и крестики напротив вариантов ответов на вопросы, иногда смешные и странные, выбирали из списка утверждений единственно верное, придумывали окончания к фразам, перекладывали из одной кучки в другую цветные полоски и карточки с текстом. Даже рисовали рисунки. Руслан уже не злился, как-то незаметно войдя во вкус всего этого. Даже дурачился, пряча от Людмилы свой рисунок и не давая ей подглядеть в него через плечо. Доктор сдержанно улыбался и иногда пояснял, для чего нужен тот или иной тест.

Наконец, доктор Шталь, собрал все листки, рисунки и карточки и пошутил:

– Ну, теперь я буду знать о вас почти все. Материала для анализа у меня предостаточно. Теперь понадобится время. Если не передумаете – жду вас у себя в следующую пятницу в то же время. Мы выявили вместе ряд проблем и попробуем их решить.

Шталь вышел из-за стола, чтобы попрощаться. Обменялся с Русланом рукопожатиями, подал руку Людмиле, и она осторожно вложила свою ладонь в его, твердую и сухую.

– Вы правильно сделали, что пришли, – сказал Шталь очень тихо, так чтобы слышала только она.

И улыбнулся ей, ласково и лукаво. Противный холодок снова пополз по спине, и Людмиле захотелось зажмуриться и убежать прочь. Как тогда, в детстве.

Глава 3

Утро понедельника, серое и недоброе, оправдывало свою репутацию и началось с того, что Людмилу вызвала к себе Большова.

– Ну как там твой чудо-доктор? – спросила она, затушив в пепельнице недокуренную тонкую сигарету. Главред всегда курила «Vouge» с ментолом.

– Пока никак, – ответила Людмила, и ей стало неуютно от мысли, что на второй сеанс Большова денег не даст.

– Что, еще нужны деньги?

– Ну да, – Людмила не могла заставить себя смотреть главреду в глаза, – нужны.

– Смотри, Сикорская, – недовольно нахмурилась Большова, – при таких затратах эта статья должна стать бомбой. Такой, чтобы читательницы завалили нас хвалебными письмами и повесили вырезку из журнала в рамке над кроватью. Ты меня поняла?

– Поняла, – вздохнула Людмила.

По правде сказать, ее сейчас меньше всего занимала статья. Она не могла понять тех чувств, что испытывала после посещения доктора Шталя. Его сходство с тем видением из детства пугало, но голубоватый таинственный свет обещал надежду. Ей очень хотелось снова вернуться в его офис на углу Декабристов и Английского проспекта, но сказанные Шталем напоследок слова тревожили.

Весь день она просидела на работе за компьютером, так и не приступив к правке, а вернее сказать переписыванию статьи. Тоскливо глядя в монитор, на заставке которого жило безмятежно голубое море, она думала о том, как хорошо сейчас в Лимассоле. Бархатные, пряные вечера и кристально-чистый зеленоватый прибой. Оливковые рощи и нагретые красноватые камни. Они были с Русланом на Кипре год назад, тоже в сентябре. Так удачно подвернулась горящая путевка. Людмила влюбилась в это место навсегда. Теперь остались лишь воспоминания, фотографии, магнитик на холодильнике, жестяная банка из-под оливкового масла и бережно хранимая «для особого случая» бутылка кипрского муската, вкуснее которого она не пила ничего и никогда.

Вечером она провозилась долго на кухне, потом помогала Антошке учить «Бородино», а Руслан корпел над докладом для конференции.

Хотя он в свое время отстоял свое право не идти в науку, профессор Сикорский не умел отступать и время от времени выдергивал сына на научно-практические семинары. Руслан морщился, но из уважения к отцу соглашался. Вот и сегодня он засиделся допоздна, склонился над ноутбуком, пристроенным на журнальный столик на колесиках. У столика была довольно острая кромка, которая врезалась Руслану в запястья, но он увлекся и не замечал этого.

Людмила подоткнула Антошке одеяло, спрятала ему под подушку учебник литературы, чтобы не забыл выученного стихотворения. Осторожно притворила дверь, вышла из спальни. Руслан не отрывался от ноутбука. Голубоватое мерцание монитора подсвечивало его волосы, создавая иллюзию таинственного ореола. Людмила залюбовалась и невольно вздохнула.

– Мила? – отозвался, не оборачиваясь, Руслан, – иди спать, мне нужно закончить.

– Не хочу без тебя.

Обняла его за плечи, уткнувшись лицом в затылок.

– Тебе завтра на работу, иди.

Руслан отнял одну руку от клавиатуры и погладил Людмилу по щеке, а она поймала его ладонь губами.

– Искусительница... я не допишу доклад...

– Ну его...

Она уже у него на коленях. В одно дыхание, в одно биение сердца. Хорошо, что столик на колесиках, его можно оттолкнуть, чтобы не уронить ноутбук. Дивану сегодня не судьба быть разложенным. Им и так хорошо...

– Тише... Антошка... еще не уснул...

Приглушенный стон в его губы.

– Моя... люблю...

Тишина и синяя, глубокая темнота. В ней так уютно молчать. Размеренное дыхание ... Спит? Приподнялась на локте, пытаюсь разглядеть в темноте контуры любимого лица...

– Что? – тихий шепот спугнул тишину.

– Ничего... как я люблю, когда ты такой...

– Какой?

– Мой... такой как раньше...

Жаркие губы везде – шея, грудь, живот. Она уплывает на теплых волнах...

– ...не сейчас. Нужно закончить доклад. Мила, ты слышишь? Свари, пожалуйста, кофе. Засыпаю, а мне еще до утра сидеть.

Очнулась, вздохнула и пошла на кухню. Острая обида жгла глаза. «Не реви, – привычно сказала себе. В синем пламени газовой горелки под туркой ей опять почудился ласковый и жуткий старик в черном плаще.

Весь вечер четверга Людмила корпела над статьей Житниковой. Сто раз поменяла слова местами, пару раз выровняла абзацы. Проверила почту и обнаружила там напоминание о планёрке за подписью Большой. Но работа двигаться не хотела. Мешали мысли о предстоящем визите к доктору. Но вот Руслан... Она ведь так и не решилась поговорить с ним. Согласится ли он? А если нет? Какие найти слова, чтобы его уговорить?

Итогом упорного труда стали выправленные десять тысяч восьмьсот тридцать пять знаков. Перечитав текст еще несколько раз, Людмила обнаружила два тревожных словосочетания "темных омутов двери" и «бархатные глаза» и в сердцах захлопнула ноутбук.

На следующий день, за завтраком, она решила, что тянуть с разговором, пусть и неприятным, дальше некуда и спросила мужа смело и прямо:

– Так ты заедешь за мной сегодня?

Руслан спокойно допил кофе. Помолчал. Людмила поёрзала на стуле. Не спеша поставил чашку на стол. Опустил в пустую чашку ложечку. Людмила слушала, как стучит в висках пульс... Вся смелость пропала.

Руслан внимательно рассматривал жену две длинные минуты. И, наконец, ответил:

– Я все ждал, когда ты спросишь насчет своего доктора. Конечно, заеду.

Она вздохнула. Встала, чмокнула мужа в щеку и поспешила торопить в школу сонного Антошку.

– Если кто-то хочет, чтобы его подбросили до школы, – крикнул сыну Руслан, – то ему следовало бы поторопиться!

– Подбрось туда маму, – хмуро ответил Антошка.

По дороге в редакцию Людмила, задумавшись о предстоящем сеансе, едва не проехала свою станцию метро. После планерки она разобрала текущие бумаги и снова уселась перед компьютером. Слова разбегались как шарики ртути, и ни в какую не желали становиться более или менее вразумительным текстом. Ей казалось, что от правки текст делается только хуже. Снова и снова она писала, переставляла местами абзацы, стирала, заменяла слова... Морщась, пила кофе, смотрела в окно на уныло мокнущие под дождем ажурные перила Певческого моста. Поняв, что ничего дельного все равно не выйдет, занялась подготовкой дайджеста. Но и эта работа не клеилась. Все ее мысли были в офисе доктора Шталя.

Еле дождалась окончания рабочего дня и несколько минут нервно теребила в руках телефон, пока не позвонил Руслан.

Но чем ближе был старинный дом на углу Английского проспекта и Декабристов, тем чаще замирало у нее сердце.

– Милочка, ты чего такая дерганная? – спросил Руслан, заметив, как она крутит на пальце обручальное кольцо. Она всегда так делала, когда нервничала. Даже как то уронила его под стол на планерке у главреда.

– Статья Житниковой не клеится, Большова меня убьет, – ответила она, смутившись, что солгала. О статье, как раз она сейчас думала меньше всего.

– Ничего, склеится, – успокоил ее Руслан.

Встретила их помощница Шталя, стройная блондинка Мария. Извинилась, попросила подождать, усадила в мягкие кресла в приемной. Предложила кофе или чай. Руслан попросил принести кофе, Людмила отказалась. Она разглядывала приемную и обратила внимание на черно-белые фотографии, развешанные по стенам. Среди изображений старинных домов, дворцов и мостов было одно фото, оно словно попало в эту коллекцию случайно. Почти скрытый полутеньями женский силуэт. Модель, сфотографированная со спины, держала в скрещен-

ных за спиной руках плетъ. Контраст обнаженной беззащитности девичьего тела и грубого орудия для наказания притягивал и отталкивал одновременно.

Руслан перехватил ее взгляд.

– Интересное фото... очень стильно и волнующе...

Людмила смутилась и отвела глаза. А потом вспомнила, что видела то ли эту, то ли подобную ей фотографию на довольно одиозной выставке "Очарованные красотой", о ней даже писали в ее журнале. Все выставленные работы были исполнены в стиле "ню". Людмиле почему-то запомнилось название организатора – "Северный Бастион" и противоречивые ощущения от фотографий. Такие же как сейчас.

Наконец, из кабинета доктора вышла женщина среднего возраста, с бледным, несчастным лицом и покрасневшими глазами. Доктор, участливо поддерживая ее под локоть, проводил до двери приемной, вернулся.

– Прошу меня простить. Предыдущий сеанс затянулся.

И распахнул дверь своего кабинета.

Снова глубокое кресло заботливо принято ее в свои объятия. Людмила подумала, что, скорее всего, даже мебель для кабинета доктор подбирал специально. Эта расслабляющая мягкость сидения, гладкая податливая кожа, высокая спинка и подлокотники – будто кокон. С удивлением вдруг поняла, что как только переступила порог кабинета Шталя, ее волнение куда-то улетучилось. Украдкой глянула на мужа – ни тени раздражения, спокойная доброжелательность.

– Ну что же, – Шталь пододвинул к креслам низкий стул и сел напротив. – Хочу вас поздравить. Вы просто удивительно подходите друг другу. Я называю такое совпадение психотипов эффектом паззла. Это встречается крайне редко.

– Значит, я был прав, и у нас нет никаких проблем, – сказал Руслан и снисходительно посмотрел на жену.

– Не совсем, – уклончиво ответил Шталь, – одну из проблем – вашу хроническую усталость, мы определили. А усталость предполагает только один вид лечения. Давайте поговорим об отдыхе. У вас есть какое-нибудь общее хобби?

Руслан задумался, потом взглянул на жену. Пожал плечами.

– Общее хобби... Наверное, только сын. Ну, еще мы любим путешествовать, но получается это редко. У Людмилы есть увлечение, правда, довольно дорогостоящее...

– Пусть она сама расскажет, – мягко прервал его доктор.

– Я... – Людмиле вдруг показалось неловким рассказывать это, – собираю кукол.

– Кукол? Как интересно. И давно?

– С детства. А теперь вот, коллекционные. К сожалению, они очень дорогие. Поэтому коллекция пополняется редко.

– Значит куклы, – улыбнулся Шталь. – Вы не поверите, но я хотел предложить вам одну методику. Она называется «Кукловод и Марионетка». Это одна из разновидностей психодрамы. Но это чуть позже. Скажите, Людмила, а почему вы собираете кукол? Что они для вас?

Людмила растерялась. Она вдруг поняла, что никогда не задумывалась об этом.

И вдруг вспомнила ту старую, найденную в стене бабушкиной квартиры куклу. Ту самую куклу в розовом газовом платице, удивительно тонкой работы. И умершую девочку Олю, которую никогда не видели ни она, ни ее мама. Вспомнила бабушкино лицо, когда она держала в руках найденную куклу и нежно, едва касаясь пальцами, гладила ее по волосам. Как, прижимая игрушку к груди, шептала ей: «Не бойся. Я тебя никогда не оставлю. Ты больше не будешь одна...». И как теплел фарфор от ее дыхания, а стершиеся краски на кукольном личике будто снова оживали, и кукла ей улыбалась...

Людмила вдруг поняла, что куклы всегда были для нее друзьями, собеседниками, защитниками. Они были живыми.

Но сказать это вслух не решилась.

– Не знаю, – ответила она. – Просто они такие красивые.

Шталь внимательно посмотрел на нее поверх очков, и Людмиле показалось, что он ей не поверил.

– Ну, а у вас, – обратился доктор к Руслану, и она выдохнула с облегчением, – совсем нет никаких увлечений?

– Боюсь, у меня просто нет на них времени, – ответил он.

– Поверьте, – улыбнулся Шталь. – Если временем правильно распорядиться, его окажется вполне достаточно на все – и на работу и на отдых. Просто нужно найти себе занятие по душе. И считайте, что это мой рецепт на лекарство от вашей усталости. Ну а теперь давайте попробуем поиграть!

Шталь встал, подошел к столу и вынул из ящика разноцветные бумажные круги, как в игре «Твистер». Разложил на полу. Потом достал черную шелковую повязку для глаз.

– Людмила, подойдите ко мне.

Она встала, нервно одернула узкую юбку. Поправила воротничок строгой блузки, будто он ее душил. Облизала пересохшие губы. Сделала несколько шагов к Шталю и остановилась, не зная, куда деть руки.

– Я завяжу вам глаза, – Шталь показал ей повязку.

Людмила беспомощно оглянулась на мужа. Но Руслан улыбнулся. Ему явно нравилось происходящее. Она устыдила себя за трусость. Глубоко вдохнула, чтобы совладать с волнением. Это ведь она уговаривала Руслана сюда прийти. Так что придется играть в эти игры до конца.

Прохладный шелк лег на лицо, погрузил ее в непроницаемую темноту. И тут же обострились все остальные чувства.

Она напряженно вслушивалась в каждый звук, чтобы угадать то, что не могла увидеть. Вдруг стали ярче запахи. Лакированное дерево, кожа, немного табака и воска. Чужой незнакомый мужской парфюм, сдержанный и строгий.

Жесткие сильные пальцы сжали плечи, ее подтолкнули вперед. По звуку шагов и движению воздуха ощутила присутствие Шталя за спиной.

– Представьте себе, что перед вами глубокая пропасть, – сказал доктор прямо над ухом, и она вздрогнула. – Те кружочки, что я разложил на полу – узкий мостик из дощечек, которые местами прогнили. Безопасно наступать только на некоторые из них. Если наступить на другие или мимо – сорветесь вниз.

Людмила вдруг ощутила страх и противный зуд в ногах. Она отчаянно боялась высоты, всегда с огромным усилием преодолевала себя, когда нужно было помыть окна в их квартире на шестом этаже. Попыталась успокоиться, начала считать удары собственного сердца. Получалось не очень. Паника медленно расползалась по телу, будто яд, захватывая клетку за клеткой. Хотелось сорвать с глаз повязку и убежать. Инстинктивно подняла руки к лицу, и услышала озабоченный голос Шталя:

– Вам нехорошо? Прекратим?

Она уже почти выкрикнула «Да», но почувствовала, как ее обняли родные руки. С наслаждением вдохнула знакомый запах. Страх тут же отступил.

– Ничего, – тихо сказала Людмила. – Я в порядке.

– Хорошо, – согласился Шталь. – Итак, Руслан, ваша задача – провести Людмилу по мостику через пропасть. Вы можете подавать жене любые команды. Управляйте ее движениями. Только не дотрагиваться! Готовы?

Они ответили почти вместе. Голос Руслана прозвучал уверенно и воодушевленно, Людмила еле выдохнула свое «Да».

Ей и правда казалось – она балансирует на хлипком мостике над бездонной пропастью. Сердце гулко бухало, Людмила слышала свое хриплое дыхание, пальцы заледенели, будто на холодном ветру. Отчаянно пыталась точно выполнять короткие приказы Руслана, но каждый раз боялась опустить ногу на пол, будто там был не паркет, а ненадежные, прогнившие доски.

– Еще один шаг, – подбадривал голос Шталя, – последний! Вы прекрасно справляетесь!

– Вправо... еще... теперь левее! Да... Нет! Еще вправо... опускай... Нет!

Пошатнулась, голова закружилась. С ужасом поняла что падает, падает в пропасть...

Теплые сильные руки поймали ее.

– Держу, Милочка. Я тебя держу.

Казалось, повязка сползла сама.

Людмила часто заморгала, привыкая к свету, судорожно стиснула руку Руслана – словно все еще стояла на краю пропасти. Всклинула.

Руслан в ответ сжал её ладонь. Боясь оторваться друг от друга, они, даже усевшись в кресла, не разжали рук.

Руслан поглаживал её стиснутые пальцы, и туман страха рассеивался. Она несколько раз глубоко вздохнула. Заглянула в родные серые глаза. И прочла в знакомом взгляде такое давнее и почти забытое – нежность, заботу, тревогу. Как тогда. В первый раз...

– Давайте попробуем проанализировать ваши ощущения. Людмила? Я видел, что вам было страшно. Почему? – спросил Шталь.

– Я боюсь высоты, – она смутилась, понимая, как глупо это прозвучало.

– У вас богатая фантазия. Сразу видно творческую личность, – мягко улыбнулся Шталь. – Но что помогло вам справиться со страхом?

– Голос... – Людмила посмотрела на Руслана и снова ощутила тепло. – Голос моего мужа.

– Великолепно! – просиял доктор. – А вы, Руслан? Что ощущали вы?

– Ответственность, – ответил он и сжал руку Людмилы. – Я осознал, что от меня зависит жизнь моей жены.

Шталь кивнул.

– Вот именно. Теперь постарайтесь запомнить эти ощущения. Зафиксируйтесь на них. Это поможет лучше чувствовать друг друга.

Они ехали домой молча. Но в их молчании больше не было отчуждения. Они молчали не каждый о своем, как это бывало раньше. Они молчали вместе. И в этой тишине была какая-то особая, завораживающая магия.

За выходные Людмила переписала, наконец, статью Житниковой. Она изменила название на «Связующую нить» и закончила ее словами: «Не рвите те волшебные ниточки, что протянуты между двумя любящими сердцами. Берегите их, всеми силами укрепляйте. И однажды эти ниточки станут стальными канатами, протянутыми над пропастью отчаяния».

В понедельник Людмила сидела в кабинете Большой и смотрела, как руководство напряжённо знакомится с материалом статьи.

Большова читала вдумчиво. Иногда бросала короткие реплики:

– Ну да, неплохо... А вот тут очень хорошо!

Судя по всему, текст ей нравился. Людмила поняла это по тому, как главред принялась накручивать на палец цепочку кулона.

Глядя на неё, Людмила, по привычке принялась было теребить обручальное кольцо, но его на месте не оказалось. " Может, сняла и забыла дома? – подумала Людмила. Кольцо, особое, с гравировкой "Руслан и Людмила" по ободку внутри, она не снимала почти никогда.

– Так, ну вобщем, все вполне-вполне, – удовлетворенно произнесла Большова. Закрыла файл со статьей и вернула Людмиле флешку.

– Со своим доктором согласуй и можешь отдавать корректорам. Пойдет в ближайший номер.

– Спасибо, – ответила немного рассеянно Людмила, вся в мыслях о своей пропаже.

– Хорошая работа, – похвалила ее Большова. – Ну иди, иди. Трудись.

И вытянула новую сигарету из полупустой пачки «Vouge».

У себя в кабинете Людмила нашла визитку доктора Шталя и набрала номер его мобильного.

Доктор ответил не сразу, и Людмила слушала в телефонной трубке вместо гудков Китайский танец из балета Чайковского «Щелкунчик».

– Шталь, слушаю.

– Здравствуйте. Это Сикорская беспокоит. Можете говорить? Я бы хотела согласовать с вами текст статьи, если вас не затруднит.

– Конечно, давайте.

– Вам текст сбросить по электронке? Или вы лично хотите посмотреть, подкорректировать?

– Подкорректировать, да. Хорошо было бы, если вы заехали ко мне лично. Только я сегодня не в офисе. Можете приехать ко мне домой?

Она была уверена, что доктор улыбнулся.

– У меня нашлась одна вещь. Как мне кажется, принадлежащая вам. Вы, случаем, не теряли обручального кольца? С гравировкой ...

– Как хорошо, что оно нашлось! – радостно откликнулась Людмила. – Я заметила пропажу только сегодня. Конечно, я приеду. И привезу статью. Диктуйте адрес.

Через полчаса она стояла перед небольшим четырехэтажным домом на канале Грибоедова.

Квартира доктора Шталя под номером десять занимала весь верхний этаж. Дверь Людмиле открыла девушка, лет двадцати, скромная и молчаливая. Пропустив ее в полутемный коридор, жестом указала на приоткрытую дверь слева и растворилась в мягкой полутьме.

Испытывая непонятное волнение, Людмила открыла дверь и вошла в просторную комнату с высоким лепным потолком. Большое окно, закрытое жемчужно-серой шелковой портьерой, стены заставлены стеллажами с книгами, письменный стол, массивный и явно антикварный, изящная кушетка на резных ножках с бархатной спинкой. Шталь сидел в большом кресле у окна с раскрытой книгой в руках.

– Людмила! Проходите, проходите.

Доктор радушно улыбнулся и положил книгу на подоконник. Людмила достала из папки распечатанный экземпляр статьи и протянула его доктору.

– Вот. Решила распечатать на бумаге. Надеюсь, я не раскрыла никаких ваших профессиональных секретов, – сказала она и разволновалась. Неожиданно поняла, что ей очень важно одобрение Шталя.

– Не стойте, садитесь, – доктор указал ей на кушетку. – Спасибо, я и правда, не слишком жалую тексты в электронном виде. И книги по старинке покупаю. Совсем другие от них ощущения. Один запах новой книги чего стоит!

– Да, – согласилась Людмила. – Мне муж давно предлагает купить ридер. Стыдит за несовременность. И зовет транжиркой. За книги и моих кукол.

Доктор мягко, понимающе улыбнулся ей и спросил:

– Вы не голодны?

– Нет, спасибо, – смутилась Людмила. Она с детства не любила, когда в гостях ей предлагали еду.

– Ну тогда чай. Я люблю китайский, красный. Настоящий. Мне специально привозят его из провинции Юннань. И капелька коньяку бы не помешала. На улице опять дождливо. И руки, вон, у вас замерзли.

Людмила и правда зябко передернула плечами. Мысль о чашке горячего чая показалась привлекательной.

– Да, чай – было бы замечательно, – ответила она. – Только без коньяка. И хорошо бы зеленый. Я люблю зеленый чай.

– Зря, зря, – покачал головой Шталь. – Хороший коньяк никогда не повредит. Это не алкоголь, лекарство. А зеленый чай у меня тоже китайский. Жасмин, эрл грей?

– Если есть, то клубничный, – ответила Людмила и опять смутилась.

Доктор кивнув и позвонил в серебряный колокольчик, взяв его с серебряного же подноса тонкой чеканки.

В кабинет почти бесшумно вошла та самая девушка, что открыла ей дверь. Длинные прямые волосы, темные, почти черные, стянутые в тугий хвост на затылке. Узкая черная юбка до колен с молнией сзади снизу доверху, простая белая блузка, высокие каблук. Строгий офисный наряд смотрелся странно в домашней обстановке кабинета. Людмилу удивило еще ее странное кольцо, плотно обхватывающее шею, больше всего напоминающее ошейник. Усиливая сходство, на нем висел округлый медальон с выгравированным вензелем.

Доктор что-то тихо сказал ей и она вышла.

Вскоре девушка вкатила в кабинет сервировочный столик на колесиках с китайским керамическим чайником и двумя чашками-бочонками без ручек.

Она ни разу не подняла глаз на Шталь, а на Людмилу посмотрела быстро, вскользь из-под ресниц. В ее мимолетном взгляде Людмиле почудились тревога и неприязнь. Эта молчаливость, опущенные глаза, бледное бесстрастное лицо так живо напомнили Людмиле ее любимых кукол.

Доктор отослал девушку небрежным жестом. И внимательно посмотрел на Людмилу, будто оценивая ее реакцию. Потом встал, чтобы собственноручно налить Людмиле чаю. Терпкий, пряный аромат окутал ее теплым облаком, и она с удовольствием обхватила чашку, согревая пальцы.

Шталь уселся обратно в кресло и вернулся к чтению.

Тихо тикали часы. Секунды, минуты падали в пустоту.

– Ну что же, – наконец сказал доктор, откладывая рукопись. – Мне нравится. Прекрасная статья! Очень верные и проникновенные слова. Браво!

Людмила смущенно улыбнулась.

– Спасибо, но я всего лишь редактор, – сказала она и поставила чашку на столик. – Простите, что отняла у вас время. Мне пора. Как только выйдет статья, я пришлю вам номер журнала. Хотя, вы вряд ли читаете женские журналы...

– Обязательно присылайте! И да, чуть не забыл, ваше кольцо.

Шталь взял его со стола и протянул Людмиле.

– Вы обронили его в кресло, где сидели. Мария нашла его только сегодня и позвонила мне. Я попросил привезти кольцо сразу после нашего разговора. Если бы мы не договорились о встрече, моя помощница связалась бы с вами или доставила его вам домой.

– Эта глупая привычка теребить кольцо, – смущенно сказала Людмила и с облегчением надела его на палец.

– И еще кое-что...

Шталь встал, открыл дверцу одного из книжных шкафов и достал оттуда куклу-марионетку – печального Пьеро с мучнисто белым лицом и в одежде с длинными рукавами.

– Мне привез ее из Венеции итальянский коллега, – сказал Шталь, протягивая куклу Людмиле. – Она прекрасно дополнит вашу коллекцию.

– Что вы, доктор! Я не могу принять, это слишком дорогой подарок.

Людмила смущенно смотрела на куклу. И вдруг вспомнила, как сама была марионеткой там, в офисе доктора, и как падала в пропасть, и теплые сильные руки Руслана, подхватившие ее в самый последний момент.

– Спасибо, – растроганно сказала она и прижала куклу к груди.

Доктор проводил ее до двери, пожал руку на прощание и вдруг сказал:

– А знаете что? Я очень рад знакомству с вами и вашим мужем. И был бы рад увидеть вас у себя в гостях. Скажем, в субботу. Подумайте.

Глава 4

Печальный Пьеро поселился в стеклянном шкафу между японкой Окиной и принцессой с острова Гаити. На удивление, марионетка очень понравилась Антошке, который никогда не проявлял к маминым куклам интереса. Людмила побоялась, что сын сломает дорогой подарок и подергать марионетку за веревочки не дала. Антон надулся. Но ненадолго. Людмила быстро заслужила прощение, разрешив ему, вопреки отцовскому запрету, часок посидеть за компьютером.

Руслан вернулся с работы чуть раньше обычного и застал сына за этим занятием. Антон застыл в ожидании отцовского гнева и кары в виде еще одной недели без интернета.

Но Руслан только потрепал его по русым вихрам, обнял Людмилу и шутливо прорычал ей на ухо:

– Пришел страшный голодный волк. У него жуткие колики в животе. Если его сейчас же не накормят ужином – он всех проглотит живьем!

Антон облегченно выдохнул, пробурчал что-то типа «Взрослые... а такие глупости...» и снова ринулся в виртуальную танковую атаку.

Людмила разогрела ужин и уселась за кухонный стол напротив мужа. Подперла кулаком подбородок и просто смотрела, как он ест. Вдруг заметила сеточку морщинок у глаз, и несколько седых волосков в его темной шевелюре. Замерла от переполнявшей ее нежности. Этой нежности было так много, что она не помещалась в груди, грозя выплеснуться наружу, перекрыв горло.

Они не могли дожидаться, пока истечет отпущенный Антону для виртуального общения час. Наконец, после пятого «последнего китайского предупреждения», он с тяжелым вздохом выключил компьютер и поплелся в ванную.

Людмила разбирала диван, и спиной ощущала взгляд мужа. От него становилось жарко, весело и жутко. Будто в первый раз.

Закончила с постелью и пошла в ванную, посмотреть, чего там так долго делает Антошка. Сын сидел на краешке ванны и увлеченно переписывался с каким-то виртуальным собеседником «Вконтакте» через мобильный. Телефон был изъят немедленно. Надутый сын нехотя почистил зубы и гордо удалился.

Заколола волосы, чтобы не намочить их, и быстро приняла душ. Завернулась в полотенце, задержалась перед зеркалом, чтобы смыть косметику.

Видимо, потеряв терпение, в ванную вошел Руслан. Обнял ее за плечи, прижал к себе.

Теплая ладонь забралась под полотенце. Людмила закрыла глаза и потерялась в обжигающих, дразнящих прикосновениях...

И тут же ахнула, когда ладонь звонко шлепнула ее. Распахнула глаза и увидела в зеркале на стене смеющийся, озорной взгляд мужа. Прислушалась к тому, как впитывается в кожу боль, превращаясь в горячее тепло, которое плавно перетекает, концентрируется где-то внизу живота, сворачивается в теплый клубок.

– Не смог удержаться... – мурлыкнул он. И вдруг опустился на колени и нежно поцеловал то место, где видимо, остался след.

– Как красиво... розовое на белом.... Как цветок на снегу...

– Ну вот, – раздался недовольный голос сына, – а меня когда лупят, потом не целуют. Мам, телефон отдашь?

Людмиле захотелось сгореть от стыда на месте, Руслан вскочил, и хотя тоже смутился, но виду не подал и грозно скомандовал:

– Марш в постель!

Антошка возмущенно хлопнул дверью.

Как только закрылась дверь, Руслан сжал ее до боли, лишая возможности дышать. Не разрывая объятий, не переставая целоваться, кое-как дошли до дивана. Почти до самого утра то засыпали, обессиленные, умиротворенные, то снова как безумные любили друг друга.

Утром она слушала шум закипающего чайника и снова думала о докторе Штале. Вспомнила про свое обручальное кольцо, сняла, полюбовалась гравировкой на внутреннем ободке. Надела обратно. И вдруг осознала символичность того, что кольцо вернул ей именно Шталь. Улыбнулась.

– Милюль... О чем задумалась?

Улыбнулась новому прозвищу, подставила губы для поцелуя, обняла за плечи, ласково взъерошила Руслану волосы.

– Вчера забыла тебе рассказать. Я была дома у Штalia. Показывала статью. Он подарил мне куклу. Марионетку Пьеро. И звал в гости.

– В гости? – удивился Руслан, усаживаясь за стол. – Ну не знаю. Хотя он очень интересный и приятный собеседник. И когда?

– В субботу.

– Ну, хорошо, давай сходим. Один визит вежливости ведь ни к чему не обязывает?

Уходя на работу, Руслан взял ее руку, прижал к своей щеке, потом поцеловал в раскрытую ладонь.

– Люблю, – шепнул он, и Людмиле стало снова нечем дышать от нежности, перекрывшей горло.

Неделя выдалась суматошной. Пришлось ругаться по телефону с внештатными авторами, что срывали все сроки, а потом срочно строчить за них какие-то бестолковые статьи о том, как выбрать губную помаду или какая туалетная бумага мягче. Людмила ненавидела эти пустые никчемные тексты. Если бы не главред Большова, что пыталась изо всех сил удержать «Ивана да Марью» на тонкой грани между приторно розовым женским глянцем и хорошим содержательным журналом, она бы давно ушла.

Людмила почти забыла о данном Шталью обещании. Но вечером в четверг наткнулась взглядом на подаренную им марионетку.

– Ну так что? – спросила она Руслана. – Идем в гости к доктору?

– Так вроде решили, что идем, – отозвался он, не отрываясь от телевизора.

– Хорошо, я позвоню ему завтра.

Очень кстати в пятницу вышел номер журнала со статьей Людмилы. Полная энтузиазма, она позвонила доктору Шталью, но услышав в трубке его спокойный вежливый голос, отчего-то опять разволновалась. Разговор вышел коротким и каким-то неловким. Но ей показалось, что доктор рад их будущему визиту.

С утра в субботу она не находила себе места. Перемерила все платья, полчаса копалась в шкапулке с украшениями. Руслан снисходительно улыбался.

– Чего ты так трясешься? Это что, прием у английского посла?

– Не знаю, – ответила Людмила, нервно дергая расческу, застрявшую в пряди волос, что она укладывала феном.

– Мы еще можем отказаться, – Руслан обнял ее за плечи. От тепла его рук ей сразу стало лучше. Склонив голову к его руке, прикоснулась губами.

– Нет. Обещали.

Обуваясь, Людмила едва не сломала молнию новых замшевых сапожек. Такси как назло опаздывало. Как только вышли из подъезда, ветер нагло растрепал прическу, что стоила целых сорок минут мучений, и бросил в лицо мелкую морось. "Не хватало еще растекшейся туши, – подумала Людмила. Выбранное ею платье – светло-серое, длиной чуть выше колен, вдруг показалось ей чересчур коротким. Когда садилась в машину, полы пальто распахнулись, и таксист явно разглядывал ее оголившиеся коленки в тонких чулках. Одарила его убийственным взглядом в зеркале заднего вида, да таким, что "джигит" отвел глаза. На Дворцовой набережной автомобиль застрял в пробке. Людмила нервно поглядывала на часы и вздохнула с облегчением только, когда машина свернула с Невского на набережную канала Грибоедова.

Она крепко вцепилась в руку мужа, пока они поднимались. Шла по гулкой кововой лестнице буквально на цыпочках: боялась, что высокие шпильки сапожек провалятся в отверстия рисунка на ступеньках. Как в капкан.

Руслан нажал на черную блестящую кнопку звонка. Его звук, низкий и гулкий, показался ей слишком громким еще в первый раз. Дверь открыла уже знакомая Людмиле темноволосая девушка. Она снова была одета словно секретарь в офисе. И снова молчала.

Девушка мельком взглянула на Людмилу, но не подняла глаз на Руслана. Молча повесила на вешалку их пальто. Людмила переобулась в туфли без каблука и почувствовала себя лучше. Она помнила про дорогой наборный паркет в квартире доктора. Руслану девушка подала домашние замшевые туфли.

– Здравствуйте! – радушно улыбаясь, в коридор вышел Шталь. – Рад, очень рад.

Он был как всегда безупречно элегантен, в свободном серо-стальном клубном пиджаке, темных брюках и рубашке цвета слоновой кости. Единственная уступка домашней обстановке – отсутствие галстука.

Пожав Руслану руку, он взял ладонь Людмилы и накрыл ее своей.

– Выглядите прекрасно, – сказал доктор тихо, будто только для нее, – а главное – счастливой.

Людмила почувствовала себя неловко.

Шталь пригласил их в столовую, обставленную темной, массивной, скорее всего антикварной мебелью. Потолок украшала лепка – тщательно отреставрированный узор, маки и кувшинки – любимые цветы северного модерна. Люстра, вся из бронзовых стебельков и хрустальных лепестков, наверняка была тоже "из бывших".

За ужином, мужчины пили дорогой шотландский виски, Людмиле было предложено на выбор розовое шампанское «Моэт» либо коллекционное красное мерло «Массандра». Она выбрала вино, поскольку боялась быстро захмелеть от шампанского.

За столом им прислуживала все та же молчаливая девушка, и ее отточенные, скупые и несуетливые движения говорили о том, что она делала это сотни раз.

Доктор и Руслан говорили о медицине, о политике, о ценах на нефть. Людмила почти все время молчала, изредка отвечая односложно. Она все смотрела и смотрела на темноволосую девушку. словно тень, та бесшумно переставляла тарелки, наполняла бокалы, так ни разу не заговорив и не подняв глаз. Только один раз быстро и осторожно глянула на Людмилу. Как тогда в первый раз. Но теперь в ее взгляде не было тревоги и неприязни. Наоборот, Людмиле показалось, что девушка едва заметно ей улыбнулась.

Когда ужин был закончен, они перебрались в гостиную. Комната, по сравнению со столовой, была небольшой. Но высокий потолок, с лепными цветами и листьями, стены, задрапированные темно-малиновым шелком с золотым тиснением, низкие восточные диваны с горой атласных подушек, столик, инкрустированный перламутром, в центре которого горделиво воз-

вышел медный кальян с темно-красным стеклянным навершием, делали ее похожей на покой восточного раджи. Напольные светильники в виде статуй темнокожих нагих рабынь, держащих в руках светящиеся шары, тяжелые бархатные портьеры – все это живо напомнило Людмиле декорации к сказке «Тысяча и одна ночь». Обволакивающий, разбавленный неярким светом полумрак пах сладко и грешно: сандалом, имбирем, ванилью и дорогим табаком.

– Не удивляйтесь, – сказал Шталь, заметив, как гости изумленно разглядывают эту восточную роскошь, – я довольно долго прожил в Индии. Любовь к этой невероятной стране осталась навсегда. Прошу, прошу. Не стесняйтесь.

Он указал на стоящие полукругом диваны. Людмила осторожно присела и провалилась, как в перину. Нервно натянула на колени подол платья. Руслан сел рядом и заботливо подложил ей под спину подушку. Благодарно посмотрела на мужа. Сидеть было очень удобно, мягкий ласковый бархат нежил кожу, даже сквозь чулки. Людмила провела рукой по сидению, наслаждаясь ощущением. И тут же почувствовала на себе изучающий, чуть лукавый взгляд Шталя. Отчего-то ей показалось – он задумал для нее какое-то испытание.

Доктор позвонил в серебряный колокольчик. «Интересно, а колокольчики у него в каждой комнате?» – подумала Людмила.

В гостиной, будто бессловесная тень, незаметно появилась темноволосая девушка. Мягкий ковер с высоким ворсом скрадывал ее шаги и, казалось, что она вовсе не касается пола. Людмила с удивлением заметила, что девушка сменила свой строгий офисный наряд на короткую плиссированную юбочку в мелкую клетку и короткий едва до талии топ. Темные волосы свободно рассыпались по плечам. В таком наряде она казалась трогательно юной и какой-то беззащитной.

– Кофе, чай? – спросил Шталь, обращаясь в основном к Руслану.

Руслан оторвался от созерцания кривых ятаганов и ярких пейзажей с развалинами буддистских храмов, развешанных по стенам.

– Кофе, пожалуйста. Черный и без сахара. С лимоном.

Шталь кивнул и негромко отдал распоряжения девушке.

Людмилу кольнуло обидой, что он не спросил, чего хочет она. Отчаянно придумывала повод для начала разговора...

Но не успела.

– Руслан, вы играете в шахматы? – спросил вдруг Шталь.

– Немного, – ответил Руслан и, посомневавшись, добавил – даже имел разряд. Правда, это было давно. Еще в школе.

– Отлично! – заулыбался Шталь, встал с дивана и направился к изящному шахматному столику на резной ножке в виде фигуры коня. – Шахматы удивительные. Слоновая кость, викторианская эпоха. Нашел в одной из лавок Бомбея. Стоили довольно дорого. Но какая красота!

Он взял в руки одну фигурку и протянул Руслану. Тот взял, повертел, рассматривая, и восхитился:

– Действительно, просто чудо. Такая тонкая резьба.

– Ну-с, – потирая руки, весело сказал Шталь, – померяемся силой ума.

Они уселись напротив в обтянутые бархатом, неглубокие полукресла с круглыми спинками. Людмила осталась сидеть на диванчике. Ей было неудобно наблюдать за мужчинами, так как приходилось оборачиваться, затекала шея. Она поерзала, пытаясь устроиться так, чтобы видеть происходящее, но диван мягко обволакивал, затягивая как зыбучие пески.

– Предлагаю блиц, – сказал Шталь. – На обдумывание каждого хода – две минуты.

– Согласен, – ответил с азартом Руслан, – но боюсь, что я вам не соперник. Давно не играл.

– Ничего, – успокоил его Шталь, – мне тоже нечасто так везет с партнерами. Знаете ли, шахматы уже не слишком популярны. Теперь люди играют совсем в другие игры.

Он мельком посмотрел на Людмилу. Сказанная доктором фраза показалась ей двусмысленной. Причем этот второй, скрытый смысл вызвал легкую тревогу.

Людмила постепенно начинала все больше и больше нервничать. Она снова принялась крутить на пальце кольцо, но вспомнив, как потеряла его в офисе Шталя, прекратила. Найти его среди этого вороха подушек в мягком болоте дивана будет нелегко.

С облегчением вздохнула, когда в гостиную опять вошла молчаливая девушка. Она вкаптила уже знакомый Людмиле сервировочный столик на колесиках. Грациозно миновала расстеленный в центре комнаты ковер и направилась к Шталю и Руслану. Оставила столик около них, потом взяла одну чашку и тарелку с какими-то сладостями, похожими на восточные, поставила их перед Людмилой и так же неслышно растворилась за дверью. Сладкий и терпкий запах ее любимого зеленого чая с клубникой окутал теплом. Людмила удивленно оглянулась на доктора, встретила с его внимательным, чуть насмешливым взглядом и тут же отвела глаза.

Партия продлилась около двадцати минут. Людмила нервно поглядывала на часы, уже мечтая, чтобы этот вечер поскорее закончился. Но, наконец, к ее облегчению, Руслан торжественно возвестил:

– Шах!

Людмила поставила чашку, осторожно, жалея инкрустированную перламутром поверхность стола, и обернулась, чтобы понаблюдать за победой мужа.

Шталь помолчал, напряженно застыл. Черты лица его стали жесткими и хищными, Людмиле снова стало не по себе. Потом доктор усмехнулся и передвинул фигурки, столкнув с клетки черного короля Руслана.

– Простите. Но мат.

Людмила увидела, как переменился в лице Руслан. Как заходили желваки, сжались в тонкую линию губы. Она знала, он терпеть не может проигрывать.

Шталь протянул Руслану руку.

– Спасибо за великолепную партию! Вы просто талант. Разряд вам точно дали заслуженно. Немного практики, и вы будете грозным соперником!

Лицо Руслана немного смягчилось. Он с уважением ответил на рукопожатие Шталя.

– Спасибо, доктор. Я же говорил. Давно не играл.

– А вы не любите проигрывать, – улыбнулся Шталь.

– Отцовское воспитание, – ответил Руслан сухо.

Мужчины, взяв в руки чашки, вернулись на диван. Людмиле захотелось прижаться к плечу мужа, спрятать у него лицо на груди. Будто они не виделись несколько дней. Но ей стало стыдно за свой порыв, она медленно по глотку пила чай и мучительно искала повод, чтобы заговорить. Внезапно поняла, что с того момента, как вошла в эту восточную гостиную-будуар, не проронила ни слова. Будто эта темноволосая девушка. По спине пробежался холодок.

– Людмила, – от звука голоса Шталя она вдруг вздрогнула и едва не расплескала чай, – попробуйте рахат-лукум. Настоящий, не подделка. Особенно вот этот, с розовыми лепестками.

– Спасибо, – пролепетала она, пытаясь успокоить сердцебиение.

Шталь встал, отошел к большому комоду венге и достал из верхнего ящика изукрашенную резьбой пенковую трубку, серебряную зажигалку и пачку с курительным табаком.

– Вот балуюсь, – сказал он, – знаю, что в моем возрасте уже не следует курить. Но отвыкнуть никак не могу. Не будете возражать?

– Вы хозяин, – мягко сказал Руслан.

Шталь неспешно набил трубку, с легким шипением зажегся синеватый огонек зажигалки, и доктор с наслаждением затянулся.

– Вы, конечно же, не курите, – сказал он Руслану, выпустив колечко дыма.

– Слишком часто купирую последствия этой пагубной привычки, – усмехнулся Руслан. – Было бы странно...

– Да полноте, – махнул рукой Шталь. – Лично знаю с десятков ваших коллег, что смоят как паровозы.

Людмила не любила табачного дыма, всякий раз еле сдерживаясь в кабинете Большой, чтобы не раскашляться. Но доктор курил какой-то особый табак, ароматный, со сладковатым оттенком, благородный, словно выдержанное вино. Этот густой, насыщенный запах был даже приятным.

– А кальян? – спросил Шталь, – снова выпуская колечко дыма, – Людмила, вы любите кальян?

– Не знаю, – растерялась она.

Они пробовали курить кальян, когда отдыхали с Русланом в Шарм-эль-Шейхе позапрошлым летом. Ощущения были странные. Немного кружилась голова, но на языке остался неприятный привкус горечи и жженой пробки.

– Попробуйте, – мягко посоветовал Шталь. – У меня отличные смеси.

Он снова позвонил в колокольчик. Девушка возникла как призрак, спустя какие-то считанные мгновения, словно все это время стояла за дверью.

Она заправила кальян и разожгла его. Собралась было исчезнуть, но Шталь жестом приказал ей остаться. К удивлению Людмилы, девушка не присела на диван вместе со всеми, а совершенно непринужденно опустилась на пушистый ковер у ног Шталя. Ее коротенькая плиссированная юбочка раскрылась вокруг нее будто цветок.

Людмиле нестерпимо хотелось узнать ее имя, услышать ее голос. Но заговорить первой с доктором или с ней решиться не могла.

Шталь и Руслан продолжили перекидывались какими-то малозначащими фразами, а Людмила, вдыхая время от времени ароматный дым кальяна, все не могла оторвать глаз от этой девушки, что из-под ресниц осторожно посматривала на доктора и ее мужа. Людмила изумлялась, как теплели ее глаза, когда она смотрела на Шталя. Немое обожание в ее взгляде было сродни религиозному экстазу.

Шталь перехватил завороченный взгляд Людмилы, и его узкие губы тронула лукавая усмешка.

– Простите меня, – произнес он спокойно, – я так вас и не познакомил. Это Ева.

Доктор снова помолчал. Потом положил руку на затылок Евы, и Людмилу покорила немедленно выскочившая, как чертик из табакерки, ассоциация с хозяином и его собакой. Особенно усиливал сходство этот странный ошейник, обхватывающий тонкую изящную шею девушки.

Людмила больше не могла сдерживаться и произнесла, нестерпимо желая услышать голос загадочной молчуньи:

– Ева... какое красивое имя. А оно настоящее?

Но к ее разочарованию ответил за Еву Шталь.

– Нет. Это имя выбрал ей я.

– Как символично! – восхитился Руслан. – Словно Ева, созданная от ребра Адама. Вы ее Адам...

– Не совсем, – иронично улыбнулся доктор, – я не ее Адам. Я ее Создатель.

Эта фраза повисла в воздухе, словно застыла от порыва ледяного ветра. Людмила зябко поежилась. Ей захотелось оказаться в теплых объятиях мужа. Переплела свои пальцы с его, судорожно сжала. Руслан ответил пожатием.

Неловкое молчание прервал Шталь:

– Но я вижу, что моя терапия не прошла даром.

Руслан с нежностью посмотрел на жену:

– Да, коллега. Ваши методы лечения несомненно дали положительную динамику.

Шталь отложил трубку в хрустальную пепельницу. Опять помолчал. Потом произнес:

– Но это разовый эффект. Через какое-то время вы опять погрузитесь в рутину и почувствуете скуку. Скука самый страшный враг гармоничных семейных отношений.

– И это неизбежно? – спросил Руслан, поглаживая костяшки пальцев Людмилы. Эта невинная ласка вдруг показалась ей такой интимной, что она непроизвольно сжала бедра. А может это действовал кальянный табак. Голова у нее и правда начала немного кружиться, тело становилось легким как пушинка...

Но наваждение растаяло, когда она ощутила внимательный взгляд доктора.

– Помните наш сеанс? – сказал Шталь, – Я сказал тогда вам, что вы с Людмилой удивительная пара. Это правда. Совпадение ваших психотипов просто невероятное. И еще глубокие взаимные чувства. Но вы не зря оказались у меня на приеме. Самую пылкую и большую любовь нужно чем-то подпитывать. Об этом прекрасно рассказала Людмила в своей статье.

– Кажется, я начинаю понимать, – усмехнулся Руслан. – Ваши слова о том, что мне нужно найти занятие по душе...

– Именно, – кивнул Шталь. – Игра, вот единственное, что может заставлять человека не скучать. Азарт, стремление к победе, превосходству. Игра – суть жизни.

– Игра? – Руслан заинтересованно посмотрел на Шталя. – Думаю, что вы сейчас имели в виду не шахматы.

– Точно не шахматы, – лукаво усмехнулся Шталь. – Игры, особенно для взрослых, могут быть куда более захватывающими.

Он снова помолчал, растягивая паузу, и Людмила слушала тишину, отчего-то боясь того, что доктор еще может сказать.

– Руслан, вам понравились ощущения, тогда во время сеанса? – вдруг спросил доктор.

Взгляд Людмилы метался между мужем и доктором. Она не понимала, к чему клонит Шталь, но тревога уже сжимала холодными пальцами сердце.

– Возможно, – ответил Руслан, не слишком уверенно.

– А что именно?

Людмила смотрела на вертикальную складку, прорезавшую лоб мужа. Опять захотелось разгладить ее.

– Ответственность? – обронил Руслан то ли утверждение, то ли вопрос.

– А может власть? – лукаво спросил доктор. – Полная власть. Когда в твоих руках жизнь другого человека. Ведь это чувство вам так знакомо, не правда ли?

– Вы про операции на сердце, – улыбнулся Руслан. – Да, это незабываемые ощущения. Особенно при контролируемой остановке. И в твоей власти это сердце запустить.

– Власть это сильнодействующий наркотик, – пошутил Шталь.

Но Людмиле от этой шутки стало не по себе. Она судорожно сжала ладонь мужа.

– Но я не понимаю, к чему этот разговор? – спросил он.

Людмила вглядывалась в родное лицо и не узнавала его. Руслан был не просто заинтригован. В его глазах горел азарт охотника. Давно она не видела его таким воодушевленным.

– Хотите маленький эксперимент? – спросил вдруг Шталь, и Людмила замерла от нехорошего предчувствия. Она непроизвольно стиснула еще сильнее ладонь мужа. Руслан поморщился, видимо от боли, и высвободил руку.

Потом ответил:

– Конечно!

– Отлично, – улыбнулся Шталь и, обращаясь к Людмиле, неожиданно спросил, отчего-то перейдя на "ты":

– Ты когда-нибудь ласкала сама себя?

Людмила задыхнулась от неожиданности и стыда. Как доктор может спрашивать о таком просто и спокойно?

– Никогда.

Шталь тихо усмехнулся и спросил:

– А если я прикажу сделать это сейчас?

Кровь прилила к голове и стучала в висках тревожными молоточками, она вспыхнула от негодования и почти выкрикнула:

– Да как вы...

Руслан стиснул ее пальцы, больно, до слез.

– Доктор, это недопустимо! – возмутился он.

– Простите меня, – улыбнулся Шталь немного виновато. – Но вы согласились на эксперимент.

Потом он погладил по голове сидящую у его ног Еву.

– Девочка моя, – почти нежно обратился доктор к ней. – Сделай это для меня.

– Да, Мастер, – прошептала она, и тут же развела согнутые в коленях ноги, откинула голову назад и закрыла глаза...

Ее хриплое частое дыхание и тихие стоны наполнили комнату, завораживая и затягивая за собой в пылающую чувственную лаву.

– Мастер... – простонала она, приближаясь к апогею, – пожалуйста...

– Да, девочка.

Ева задрожала, вскрикнула, затихла. Потом поправила юбку и прижалась губами к руке Шталя, прошептала:

– Спасибо, Мастер.

Он приподнял ее лицо за подбородок и нежно погладил по щеке, потом произнес спокойно:

– Через час в салоне. Иди.

Ева грациозно поднялась и не спеша удалилась.

– Но почему? – потрясенно спросила Людмила. – Неужели ей не стыдно? Если вы заставите ее пройти по улице голой...

– Она это сделает, без раздумий и с радостью, – прервал ее Шталь. – Но я никогда ей этого не прикажу. Она это знает и доверяет мне безоглядно. Почему ей должно было быть стыдно? Кроме меня для нее в этой комнате никого не было! В этом вся суть. Для Евы существует только один источник удовольствия, боли, радости или разочарования. Это я, ее Мастер. Мир, в котором она существует, однополярен.

– А куда вы отправили ее? – тихо спросил Руслан, словно желая подтвердить свою догадку.

– В нашу игровую. Для наказания, – спокойно ответил Шталь.

Людмила не верила своим ушам.

– Наказание?! За что?!

– Она нарушила Правила.

– Но вы ей приказали! – ее захлестывала обида, жгучая, слепящая, она еле сдерживалась, чтобы не бросить в лицо Шталю грубые и злые слова.

– Да. Это игра. Вам сейчас сложно это понять, а тем более принять. Нужно время. Этот эксперимент нужен был лишь для того, чтобы показать, какой может быть абсолютная власть.

Руслан, почувствовав состояние Людмилы, сжал ее плечи, сильно, причиняя боль. Потом тихо произнес:

– А если бы она отказалась? Тоже была бы наказана?

– Конечно, – спокойно ответил Шталь.

Помолчал, выдерживая длинную театральную паузу. Потом улыбнулся:

– Простите меня еще раз. Оставим эту тему. Людмила, хотел еще раз вернуться к вашей рубрике. А вы не думали сделать психологические консультации постоянными? Я бы мог помогать. На взаимовыгодной основе, конечно. С меня информация, с вас реклама.

Людмила, все еще под впечатлением от произошедшего, ответила не сразу. Несколько раз глубоко вздохнула, будто на занятиях йогой. Больше всего ей хотелось встать и уйти отсюда. Забыть обо всем. Но показаться невежливой было стыдно. Взяв себя в руки, она ответила, правда довольно холодно:

– Конечно, доктор. Это очень интересное предложение. Я поговорю с главным редактором. Если она даст принципиальное «добро», я вам позвоню, и мы обсудим условия сотрудничества.

За остаток вечера она больше не произнесла ни слова. Шталь и Руслан снова говорили о медицине, о политике, о ценах на бензин. А Людмила снова и снова видела глаза Евы с безумным обожанием глядящие на доктора и ее бледное, словно фарфоровое личико.

На прощание Шталь снова задержал ладонь Людмилы в своей и тихо произнес:

– Надеюсь, это не последняя наша встреча.

Ей захотелось вырвать руку. Но она сдержалась.

Ни по дороге домой, ни вечером они с Русланом больше не упоминали имя Шталя.

То светлое, теплое чувство вновь обретенного счастья, что переполняло Людмилу всю неделю, куда-то испарилось.

Скользнув в постель, она прижалась щекой к теплому плечу Руслана и прошептала:

– Ты же не хотел, чтобы я... была такой... как эта Ева... ведь нет?

– Конечно, нет!

Мягкий поцелуй.

– Если только не захочешь сама.

Глава 5

– Не бойся... иди сюда...

Знакомый старик в черном плаще и шляпе с высокой тульей стоит в проеме широко распахнутой двери, ласково улыбается и протягивает ей руку. За его спиной загадочно мерцает голубой свет. Завораживающе переливается перламутровыми оттенками и звучит... Звучит дивной музыкой.

Людмила помнит эту музыку. Мелодия так прекрасна, что у нее сжимается горло, и на глаза наворачиваются слезы. Музыка зовет ее за собой, и Людмила не может сопротивляться. Будто зачарованная, она поднимается по высокой хрустальной лестнице без перил. Ей жутко и весело. Людмила боится поскользнуться на гладком хрустале ступенек, и там, где ее золотые туфельки-балетки касаются поверхности, вспыхивают разноцветные огоньки. Это так красиво!

Выше... выше... Старик улыбается, зовет... Он все ближе... Жесткие костлявые пальцы больно стискивают ее запястье... сердце замирает от страха...

– Не бойся... пойдём... Он ждет тебя... Твой Принц.

Старик увлекает ее за собой в голубой свет...

Музыка становится громче. Огромная рождественская ель сверкает яркими огнями. По переливающемуся сполохами света хрустальному полу в танце кружатся пары. Дамы в сказочно прекрасных платьях, кавалеры в смокингах или вышитых камзолах.

– Смотри! – старик указывает Людмиле на пару, танцующую ближе всех к елке. Кавалер с золотой шпагой на боку, на темных, коротко стриженных волосах – корона. Людмила узнает его. Это он, ее Принц! Радостно улыбается и хочет бежать к нему, но вдруг натывается на прозрачную преграду.

– Подожди. – Старик качает головой. – Разве ты не видишь? Он уже нашел свою Мари. Посмотри, как они счастливы!

И правда, Людмила вдруг понимает, что ее Принц кружит в вальсе девушку с русыми локонами, в розовой пышной пачке и золотых балетках... Они смеются...

– Но... это же я?

Девушка удивительно похожа на нее саму. Но присмотревшись, Людмила со страхом замечает, что лицо девушки застыло в вечной улыбке... Она не живая! Это кукла... Кукла!

Людмила отчаянно колотит кулаками по прозрачной стене, разделившей ее и Принца, и кричит, кричит...

– Он не услышит тебя, – голос старика полон грусти. – Он нашел свою Мари.

– Но это кукла! Просто кукла, – Людмила плачет так горько, так безутешно...

– Ты еще можешь его вернуть... Если выберешь правильно...

Ломкий как стекло голос старика звучит все тише и тише...

Людмила бьется о хрустальную стену и кричит... Плачет и кричит....

– ...Малыш?!

Испуганный родной голос. Теплые пальцы стирают слезы со щек... Сон... просто сон...

– Ты плакала? Что болит? Кошмар приснился?

Людмиле вдруг стало стыдно. Глупые детские сказки. Но горький, жгучий привкус ревности и потери был таким реальным.

– Ты... мне снился ты... я не могла до тебя докричаться. Я тебя потеряла...

Она судорожно всхлипнула и спрятала мокрое лицо на груди у мужа.

Утром как назло не завелась машина. Руслан, раздраженный, поехал на работу на метро. Людмила проводила надутую Антошку на школьный автобус, выслушав его недовольное бурчание про то, что на нем в школу ездят только лохи. В редакцию она влетела с опозданием на десять минут, и сразу же направилась в конференц-зал, где уже шла планерка. Недовольное лицо Большой замаячило перед глазами.

Вдохнула поглубже и осторожно отворила большую прозрачную дверь.

...разгоню к чертовой бабушке эту богадельню! – донесся до Людмилы обрывок гневной тирады Большой.

Главред стояла во главе длинного стола, за которым замерли сотрудники. Кто опустил глаза, кто нервно вертел в руках ручку. Выпускающий редактор, Алла Петровна, смотрела в окно, будто все, что послужило причиной гнева Большой, к ней не относилось.

– Сикорская, – тяжелый взгляд главреда обжег Людмилу презрением, – что так трудно явиться вовремя на работу?

– Простите.

Людмила села на ближайший свободный стул.

– Итак, на раздумья вам – день. Завтра с утра хочу услышать предложения по привлечению интереса читателей к вашим рубрикам.

– А можно сейчас? – Людмила вспомнила о предложении доктора Шталя и решила не терять времени.

– Валяй, – смерила ее скептическим взглядом Большова.

– В моей рубрике был уже клуб "Разбитых сердец". С нами сотрудничала тогда психологиня Маленко. Но потом клуб тихо умер, так как ее советы были, мягко говоря, не слишком интересны. Письма от читателей приходилось самим писать. Но если пригласить нового, интересного психоаналитика...

– Твоего доктора, что ли?

– Ну да. Собственно он сам предложил сотрудничество.

– А что, – главред сменила гнев на милость. – Вполне-вполне. Вот видите, можете, когда хотите! Свободны! Завтра чтобы у всех были идеи не хуже этой!

В своем кабинете Людмила поставила греться чайник, и в задумчивости вертела в руках телефон. Ей очень хотелось забыть про странного доктора и бессловесную девушку в ошейнике. Но теперь уже назад пути не было. Несколько раз открыла и захлопнула телефон, отложила его. Снова повертела в руках. Опять отложила. Но потом все-таки набрала номер доктора.

«Китайский танец» из "Щелкунчика" снова заставил ее вспомнить свой странный тревожный сон. Жесткими ладонями на плечи навалилась какая-то безысходность. Почувствовала себя пешкой на шахматной доске. Пешкой, которую передвигает по клеткам чужая, бездушная воля. Людмила не хотела быть пешкой. «Возьми себя в руки, – скомандовала она себе.

– Шталь, слушаю, – раздался в трубке знакомый голос и Людмила вздрогнула. Этим голосом разговаривал в ее сне жуткий старик в черном плаще и шляпе.

Сердце выстукивало нечто похожее на «Болеро» Равеля, ускоряясь. Вдох-выдох. Как там учил ее тренер по йоге? Хорошо все-таки, что Руслан, заботясь о ее здоровье, заставил ее пойти заниматься. Иногда помогает. Ну вот, онемение прошло, она уже может говорить. Вдох.

– Здравствуйте, доктор. Это Сикорская. Главный редактор дала добро на сотрудничество с вами. Вы могли бы подъехать в редакцию, скажем завтра? Нужно обсудить детали.

Людмила выпалила это на одном выдохе, будто боясь снова услышать голос Шталя. Но, увы, это было неизбежным.

– Очень хорошо! Я обязательно приеду. Только завтра не смогу. У меня прием весь день. Может в четверг?

Снова вдох. И выдох.

– Как скажете. Тогда жду вас в три. Устроит?

– Минуту, я уточню.

Вдох-выдох...вдох-выдох...вдох...

– Да, устроит.

Выдох.

– Адрес редакции...

– Не нужно. Я знаю адрес. До встречи.

Короткие гудки.

Судорожный вдох. Откуда Шталь знает адрес? Шумный выдох. Журнал! Отвозила ему журнал. Там есть адрес редакции.

Напряжение отпускало не сразу. Покалывало кончики пальцев, тихо стучало в висках. Ледяными лапками по спине – противные мурашки.

На гладкой поверхности стола гулко завибрировал телефон. Людмила посмотрела на него как на ядовитое насекомое, которое может укусить.

Но номер был не Шталя. Боже! Тата!

Схватила телефон и торопливо нажала на кнопку.

– Привет, Люсик! – Раздался из телефона зычный голос ее лучшей подруги.

Тата всегда была такой громогласной, что Людмила разговаривала с ней "на расстоянии" – отодвигала телефон от уха, чтобы не оглохнуть. И теперь, слушая раскатистый говор из маленькой трубки, казалось, видела перед собою свою Тату – рослую, статную, русоволосую, синеглазую, улыбчивую. Породистую. Настоящую сибирячку. Наследница Ермака, как всегда называл ее Руслан. Тата напоминала Фросю Бурлакову из старого советского фильма «Приходите завтра». Только с той разницей, что своим появлением она осчастливила не консерваторию, а факультет журналистики ЛГУ.

– Я в Питере! – все также радостно раздалось в трубке. – Еду из аэропорта. Буду жить в «Балтийской». Где встретимся?

– Таточка, – у Людмилы перехватило горло, – милая! Как я соскучилась! У нас конечно! Адрес помнишь?

– Помню! Впрочем, я поселюсь, дела порешаю и в семь буду у вас! Будем пить абсент! Настоящий!

– Будем, я сейчас Русу позвоню, он обрадуется.

– Так! – гроыхнула трубка, и Людмила отстранила ее еще подальше. – С тебя наш студенческий салат! Не забыла еще?

– Будет тебе салат.

Людмила нажала отбой. Теплое, уже позабытое чувство энергетического цунами под именем Тата Гирина смело тревогу от пугающего сна и разговора со Шталем. Улыбнувшись сама себе, Людмила пошла к Большой. Отпрашиваться пораньше с работы.

Вечером был обжигающий абсент и громкий голос Таты, от которого, казалось, тихо звякают бокалы в буфете и вздрагивает занавеска. Десятиметровая кухня сразу стала крохотной, игрушечной.

Людмиле вдруг вспомнилась их первая встреча. Первое собрание курса. Все сидят поодиночке. Вчерашние соперники. Неловкая тишина. Вдруг рядом с Людмилой села крупная девушка. С размаху, так что стул под ней протяжно скрипнул.

– Тата, – радостно сообщила она так, что в аудитории все обернулись. И протянула Людмиле широкую ладонь.

Тата по паспорту была Татьяной. Как Людмила мама. Но Таней, Танечкой, Танюшей называться отказывалась категорически.

Они подружились. Сразу и навсегда. Тихая, хрупкая, немногословная Людмила и громкая, большая, решительная Тата. Их, таких непохожих, на самом деле роднило многое. Людмила – бессменная староста группы. Тата – комсорг курса, потом председатель профкома факультета. Студенты, особенно первокурсники, звали ее мама Тата. Несмотря на яркую внешность, обе подруги не были окружены поклонниками. Людмила – из-за имиджа недотроги и «ледышки», а Тату парни просто побаивались. Даже Руслан, начав ухаживать за Людмилой, первое время робел перед ней будто мальчишка.

Людмила не могла налюбоваться на подругу. Тата, подбравшая, но не расплывшаяся, в строгом брючном костюме, с короткой стильной стрижкой (ах, где ее коса!), все с таким же румянцем во всю щеку и веселыми синими-пресиними глазами, рассказывала о том, как вымала Златка и точно будет погубелью для парней, что они отстроили новый дом в пригороде Праги, и что ей непременно нужно увезти с собой не меньше десятка хороших новых русских книжек.

Только теперь, рядом с Татой, Людмила вдруг остро ощутила, как скучает по ней. За двенадцать лет подруга приезжала в Питер всего несколько раз. Последние лет семь она жила в Праге. Там когда-то служил ее муж, а после развода Тата с дочерью решили не возвращаться, прикипев душой к этому старинному и загадочному городу. Сикорские даже как-то раз были у нее в гостях, и Людмила с удовольствием вспоминала узкие улочки, мощенные камнем, величественный до оторопи собор Святого Вита, Карлов Мост и готические башенки Старого Града. Тата больше замуж не вышла, вернула назад свою девичью фамилию и воспитывала дочку одна. С журналистской карьерой у нее не сложилось, зато она нашла себя в издательском деле. Она работала редактором отдела русскоязычной прозы в крупном чешском издательстве «Оттово».

Людмила тихо млела от теплой, мощной, светлой энергии подруги. Все страхи, тревоги и переживания сразу поблекли, стали пустыми и несерьезными. Потом Людмила достала студенческие альбомы с фотографиями, они разглядывали старые снимки, вспоминали, хохотали до слез.

Время от времени из зала доносились восторженные вопли Антошки – тетя Тата привезла ему цифровой фотоаппарат и огромный цветной альбом «Настольная книга начинающего фотохудожника».

Примерно в одиннадцать Антона удалось отлепить от альбома и отправить спать. Ближе к полуночи ушел Руслан, виновато пробормотав что-то о предстоящей завтра тяжелой операции. Людмила и Тата сидели рядышком. Уже почти кончились слова. Остались только легкое головокружение, мятный обжигающий вкус абсента на губах и уютное тепло родной души.

– Люсик, – наконец прошептала, что само по себе было странным, Тата. – Я все смотрю на тебя. Не нравится мне...

– Что, Тата? – удивилась Людмила.

– Сколько мы не виделись? Пять лет, шесть?

Широкая горячая ладонь Таты накрыла узкую ладошку Людмилы.

– Пять с половиной, – почему-то смутилась Людмила. Словно в том, что они так давно не встречались, была ее вина.

– Вот. Именно это. Ты будто во всем всегда виновата. Так нельзя. Ты как подросток птенец. Можешь летать, а боишься.

– Глупости, какие полеты, Тата?

– Ты талантище. Я же знаю. А все редактируешь чужую чепуху в этом глупом глянце. Пора вылетать из теплого розового гнездышка. Ты же можешь и сама. Я твой блог, кстати читаю.

– Правда? – смутилась Людмила. – Да ну, глупости.

– Люсик, вечно ты себя недооцениваешь, – нахмурилась Тата. – Не зли меня. Ты знаешь, это чревато.

– А ты меня перехваливаешь.

Тата звонко чмокнула Людмилу в щеку.

– Ну что, вызывай мне такси. Поеду в гостиницу. Тебе завтра трудиться, и у меня с десятков встреч с молодыми талантливыми авторами.

Людмила вздохнула. И вдруг прижалась к теплой, мягкой груди подруги.

– Как же я тебе рада!

Такси приехало как назло слишком быстро. Людмиле казалось, что драгоценные мгновения рядом с Татой утекают как песчинки. Их было так нестерпимо жаль.

Уже в коридоре – обувшись, одевшись и тщательно расправляя на себе модную шаль, Тата сказала:

– Вот что, Люсик. Не позволяй Русу тобой командовать. Ты красивая, сильная и талантливая. Слышишь?

– Слышу, – всхлипнула Людмила.

Закрыв за подругой дверь, она еще долго смотрела в окно, пока дрожащие, раздробленные стекающими по стеклу дождевыми каплями огоньки такси не растворились в мокрой темноте октябрьской ночи. Зябко поежилась. И вдруг почувствовала себя потерянной, одинокой и незащищенной.

Следующие два дня Людмила безуспешно пыталась хотя бы набросать план для первого выпуска «Клуба «Разбитых Сердец». Встреча с Татой всколыхнула в душе что-то давно забытое, теплое, и это ощущение никак не хотело уступать место тревоге, что поселилась внутри после знакомства с доктором Шталем. Людмиле казалось, что пока Тата здесь, рядом, ничего плохого в ее жизни произойти просто не может.

В среду они гуляли вместе по Дворцовой, спорили, в каком месте Людмила сломала каблук на брусчатке, отсчитывали шаги от Царских ворот, сбивались, хохотали. Задрав голову, смотрели, как торжественно плывет в подбитом свинцом небе золотой Ангел, сияя в робких солнечных лучах, внезапно пробившихся сквозь войлок облаков. Отправились на Фонтанку бросать монетки на постамент Чижики-Пыжики и вспоминали, как Руслан в день свадьбы только с третьей попытки смог чокнуться с Чижиком: одна рюмка сорвалась с веревочки, вторая – разбилась о бронзовый клюв. Сидели в сквере у Ростральных колонн, пока не застыли пальцы от ледяного ветра. Потом пили кофе с пирожными в «Севере» на Невском и вздыхали, что эклеры и корзиночки уже совсем не те. Тата много и громко говорила, и Людмиле вдруг захотелось рассказать подруге про доктора, про его странную подружку, про свой жуткий сон. Но это было так глупо...

В четверг утром Тата улетела в сказочную Прагу, отправив Людмиле из аэропорта смску с кучей улыбающихся смайликов.

А Людмила осталась в октябрьском, выстуженном ветрами Питере.

Шталь появился в редакции ровно в три. Подтянутый, строгий, в дорогом кашемировом пальто, с серым шелковым шарфом. Вошел, сдержанно улыбнулся.

– Здравствуйте, Людмила. Очень рад снова с вами встретиться.

Снял тонкие лайковые перчатки, протянул руку. Людмила подала свою и едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть от прикосновения прохладных жестких пальцев.

– Здравствуйте, доктор. Прошу.

Людмила указала ему на стул, приставленный к столу, но оглядевшись, Шталь предпочел немного потертое, но уютное кресло в углу, притулившееся к шкафу с аккуратно расставленными папками, фарфоровыми фигурками и фотографиями.

– Уж простите старика, – лукаво усмехнулся он, – так мне будет удобнее.

Слово «старик» совершенно не вязалось с его внешностью. Но вызвало у Людмилы холодные мурашки, опять напомнив о сне.

– Кофе, чай? – спросила вежливо Людмила.

– Пожалуй, чай, – согласился Шталь. – Без сахара.

Людмила встала, чтобы включить чайник, и неловко задев, сбросила со стола бумаги. Покраснела и начала лихорадочно собирать разлетевшиеся по кабинету листки. Шталь молча смотрел на то, как она ползает по полу, даже не пытаясь помочь. Подняла глаза и застыла, пойманная как букашка в каплю меда, его прищуренным, оценивающим взглядом. Людмиле стало совсем не по себе...

Наконец, собрав бумаги, она аккуратной стопкой сложила их на столе, включила чайник и достала кружки. Тщательно протерла их полотенцем.

– Простите, – сказала Людмила хрипло, – у меня не столь изысканный выбор чая. В пакетиках. Но неплохой, «Базилюр», «Осенний».

– Подойдет, – ответил доктор и снисходительно улыбнулся.

Неловкое молчание нарушал только шум закипающего электрочайника. Людмила не могла подобрать слов для начала разговора, а Шталь, казалось, намеренно молчал, чтобы вызвать еще большее смущение. Наконец, чайник закипел, Людмила разлила кипяток в две чашки, положила пакетики с чаем. Поставила одну чашку перед доктором на крошечный столик, втиснутый между стеной и креслом.

Теплый насыщенный запах кленового сиропа и каких-то немного пряных трав чуть разрядил напряжение.

Погрев пальцы о кружку, Людмила, наконец, взяла себя в руки.

– В общих чертах та рубрика, над которой мы будем работать, выглядит как клуб психологической помощи. Для первого выпуска придется написать письма от имени читательниц, но в дальнейшем, я думаю, будут приходить и реальные. Может у вас есть какие-то интересные истории из практики?

Доктор еще немного помолчал, выдерживая паузу. Потом отхлебнул чая, поставил кружку.

– Думаю, найдутся. Тема, я так понимаю, приблизительно та же. Как склеить разбитое сердце?

Штампованная, избитая фраза прозвучала насмешкой. Людмила поморщилась.

– Только нужно подобрать нестандартные, интересные ситуации. Почти у всех наших конкурентов есть подобные рубрики. Мы должны сделать так, чтобы наша стала открытием. Да и вам будет полезной популярность.

– К популярности я не стремлюсь, – скромно ответил Шталь. – Клиентов у меня достаточно. Но совершенству нет предела. А еще...

Он снова сделал многозначительную паузу.

Людмила слушала, как тикают настенные часы, а из-за окна в кабинет пробивается шум улицы.

– Вы мне очень симпатичны, – закончил доктор. И снова улыбнулся. Ласково и загадочно.

Вдруг дверь открылась и вошла Светочка. Стрельнула глазками в сторону Шталя, похлопала наращенными ресницами со стразами, закусила губку. И тут же потупила глаза, едва доктор обратил на нее внимание.

– Людмила Евгеньевна, – томно произнесла Светочка, перебрасывая за спину крашенные платиновые пряди и демонстрируя ненавязчиво свой умопомрачительный маникюр. – Екатерина Васильевна просит вас вместе с гостем зайти к ней в кабинет.

– Хорошо, мы сейчас придем, – ответила Людмила.

Светочка явно зашла, чтобы поглазеть на доктора Шталя. Она прекрасно могла бы позвонить по внутренней связи. Но любопытство было ее главной отличительной чертой. Наряду с умением печатать на клавиатуре, несмотря на невероятную длину ногтей.

Доктор совершенно очаровал главреда. Большова слушала его, ни разу не перебив, с интересом задавала вопросы, даже спросила у него разрешения закурить в собственном кабинете, чего не происходило на памяти Людмилы никогда. Разговор с будущей рубрики плавно

перетек на отвлеченные темы, а затем и вовсе на личную жизнь Большой. Людмила почти не участвовала в разговоре и отчаянно боролась с желанием уйти.

– Понимаете ли, – доктор мягко улыбнулся, – корень всех психологических проблем человека в несовпадении социальных ожиданий и его внутреннего мира. Вынужденный играть не свойственную ему роль, подстраиваться под обстоятельства, он испытывает постоянные перегрузки. И главная задача психотерапевта – открыть пациенту его истинную сущность и помочь ее проявить. Нельзя постоянно бороться со своими желаниями и наклонностями. Себя нужно любить, потакать себе и баловать. А на деле часто получается так, что самый строгий и жестокий надсмотрщик – это ты сам.

– Великолепно сказано, доктор. – Большова затушила очередную сигарету, – я просто уж не знаю, как благодарить Людмилу Евгеньевну за такую находку для нашей редакции. Надеюсь, у нас все сложится. Была рада знакомству.

– И я рад. Всегда к вашим услугам, – учтиво ответил Шталь, вставая.

Людмила проводила его до лифта. Прощаясь, доктор снова сжал ее ладонь в своих прохладных жестких пальцах и сказал тихо:

– То, что я говорил в кабинете главного редактора, было сказано для вас. Не бойтесь своих желаний, Людмила. Отпустите себя. Позвольте себе стать счастливой.

Уже повернулся к лифту, но остановился:

– Чуть не забыл. Вот.

Шталь протянул ей плотный конверт с золотым тиснением по краям.

Людмила посмотрела на него вопросительно.

– Я чувствую до сих пор свою вину, – сказал Шталь, – тогда, у меня... Я был груб. Простите. Надеюсь, маленькое развлечение как-то сгладит неловкость. Это приглашения на приват-маскарад в очень дорогой и престижный закрытый клуб «Синий попугай». Сходите, не пожалеете.

– Спасибо.

Людмила с опаской приняла из рук доктора конверт. Заглянула в него – там действительно были приглашения, отпечатанные на дорогой плотной, глянцевой бумаге. И сразу решила, что не пойдет туда ни за что. Тем более что наверняка таким нарядом, какой предусматривает дресс-код подобного заведения, ее гардероб похвастаться не может.

Вечером она ехала домой в метро и смотрела ни лица людей: потухшие глаза, усталые складки у губ, безучастные маски. Она раньше и не замечала этого. Ее родной любимый Город, строгий, мрачноватый, застегнутый на все пуговицы, почти всегда неприветливый, будто застывший в своих каменных доспехах рыцарь, подавлял своим величием, тяжелыми ладонями пригибал к земле. Туристы, приезжающие в Северную Пальмиру ненадолго, завоороженные помпезностью фасадов, не успевают ощутить его давящее превосходство. Коренные петербуржцы, привыкшие с детства делиться с Городом своей энергией, этого не замечают. И

только эмигранты, прожившие в Питере больше года, говорят, что он очень неохотно допускает новичков к своим мрачным тайнам.

Руслан пришел с работы тоже не в духе, усталый и разбитый. Операция, которую он провел в среду, прошла с осложнениями. Хотя заведующий отделением и не винил ни в чем Руслана, но муж пациентки пожаловался на доктора Сикорского и долго кричал в кабинете у заведующего, что таких коновалов надо гнать поганой метлой.

Руслан стоически не показывал виду, что очень расстроен. Даже не стал проверять у Антошки уроки, чему сын был несказанно рад. Людмила чувствовала нутром, что мужу нужна поддержка, и спешила разделаться с делами, чтобы побыть вдвоем.

Но пока она собрала Антошке футбольную форму для пятничного матча, перемыла посуду и приготовила Руслану на завтра свежую рубашку, тот уже разобрал диван и лежал, отвернувшись к стене и накрывшись почти с головой одеялом. Это было плохим знаком. Значит, замкнулся в себе и не пустит, как не старайся. А если быть настойчивой, только вызовешь раздражение.

Скользнула под одеяло, прижалась всем телом. Не отодвинулся, но и не повернулся, как обычно, не обнял. Плохо дело.

Осторожно провела губами по шее... Замерла, ожидая реакции... Ничего... Ладони скользнули по плечам, по груди, по животу...

– Милочка. Я устал. Две сложные операции. И ещё эта Ходяева дала остановку, сердце запустили, но она до сих пор в коме.

Совсем плохо.

Разочарованно вздохнула и, отстранившись, повернулась на спину.

– Шталь сегодня был у меня в редакции.

Людмила не хотела произносить имя доктора, тем более в постели. Но нужно было попробовать пробить эту скорлупу.

– И что?

Ответил, уже хорошо.

– Будем работать. И еще извинялся за тот вечер, у него.

– Извинялся?

Руслан даже повернулся.

– Ну да... – Людмиле вдруг стало обидно. Руслан так удивился, будто считал, что Шталю не за что было извиняться.

– И что ты?

– Сказала, что все в порядке.

Рассказывать про приглашения Людмила не стала. Идти на этот маскарад она не собиралась, так нечего было и поднимать эту тему.

Прижалась носом к теплему плечу...

– Холодный какой... Замерзла? Иди сюда...

Блаженно улыбнулась. Ну вот... теперь хорошо.

Глава 6

В пятницу она и не вспомнила о приглашениях, завертелась в редакции, потом убежала пораньше, чтобы успеть к Антошке на родительское собрание.

Собрание затянулось. Классная дама, Светлана Петровна, преподаватель математики, не слишком жаловала Антона. Он отвечал взаимностью – и ей, и предмету. Так что ничего хорошего от этого мероприятия Людмила не ждала. Правда, на этот раз каких-то особых претензий к ее сыну не было, все собрание было посвящено финансовым вопросам. Родительский комитет отчитывался по собранным на подарки ко Дню учителя деньгам. Людмила традиционно, с первых классов была членом родительского комитета. Поэтому сейчас лихорадочно рылась в сумочке, пытаясь найти папку с чеками и списками. Как назло папка не находилась. Людмила ловила на себе презрительный и наглый взгляд мамыши Гарика Бушманова – заядлого прогульщика и двоечника. Толстой, безвкусно одетой, крашеной в медно-красный цвет, с короткими толстыми пальцами, перетянутыми огромными перстнями. Но отец Гарика был директором Октябрьского рынка, поэтому и его жена и недоросль сын вели себя как хозяева жизни.

– Ну что, мы не дождемся сегодня рассказа о том, куда потратили наши денежки? – спросила Бушманова, вертя в руках ядовито-розовый телефон, усыпанный стразами.

– Кажется, я забыла папку на работе, – пробормотала Людмила. Она опять почувствовала себя виноватой.

Но внезапно чувство вины сменилось злостью и презрением к этой толстухе.

– А знаете что? – сказала Людмила, глядя прямо в узенькие глазки Бушмановой. – Пожалуй, подготовку к Новому Году мы поручим вам, Маргарита Рафиковна. У вас и времени побольше, и машина с водителем. Все успеете. И отчитаетесь вовремя. Проголосуем?

Домой она приехала, все еще кипя от негодования, но испытывая мстительную радость от того, что ее предложение прошло на ура. К ярости Бушмановой, которой все же поручили подготовку к Новому Году.

Антошка тихонько прятался в спальне, как всегда в день родительских собраний. Высунил голову, и, почувствовав, что мама не в духе, спрятался обратно.

Руслан сидел перед телевизором. По его напряженной позе и тому, что он не вышел встречать ее в коридор, не поцеловал и даже не спросил про собрание, Людмила поняла – что-то случилось. В груди больно екнуло.

– Рус, родной, – выдохнула в макушку и положила руки на плечи. Он сбросил их резким движением.

– Почему ты не сказала?

От его ледяного тона Людмила застыла на месте. В висках тревожно запульсировало.

– Ты о чем?

– О приглашениях. Тех, что дал тебе Шталь.

Людмиле стало нестерпимо стыдно. Почувствовала себя как в детстве, когда бабушка находила вместо припрятанных к праздникам конфет пустой мешочек.

– Я не собиралась туда идти, – тихо сказала она. – Поэтому не сказала.

– Ты все решила? Одна?

Руслан действительно был в ярости. Она давно не видела его таким раздраженным. Сжатые губы, нахмуренные брови. Серые глаза словно выпвели, стали белесыми.

Бессильно опустилась рядом на диван. Навалилась какая-то усталость и апатия, будто бежала, сбивая ноги по пыльной степи, а за ближайшей сопкой оказалось не море, а опять выжженная равнина...

– Я не решала... – слова такие бесполезные, – забыла.

Руслан хмыкнул, вскочил, прошелся по комнате.

– Почему? Почему ты так поступила?

Людмила сжала зубы, чтобы не застонать. Она ненавидела эти бессмысленные допросы. Почти как и Антошка.

– Потому, что не хотела идти.

Глупо, глупо оправдываться...

– Ты могла бы спросить мое мнение!

В глазах закипели слезы. Горячие, они больно жгли глаза. «Не реветь, – привычно командовала себя Людмила.

– Могла. Но не спросила. Прости.

Ей очень хотелось, чтобы этот ужасный, нелепый, мучительный разговор поскорее прекратился. Но Руслан в таких случаях был всегда неумолим.

– Ты должна была сказать мне. Должна! Ты это понимаешь?

Ну почему он говорит с ней как с ребенком?

Молча кивнула.

– Где эти приглашения?

Так же молча встала, пошла в коридор, достала из сумочки два узких плотных листка. Вернулась, все так же ни говоря ни слова. Руслан стоял, сложив руки на груди. Протянула приглашения. Он не спешил взять их, выдерживая паузу. Мучительно медленно протянул руку. Даже не взглянув, положил на столик, рядом со своим ноутбуком. Отвернулся. И вдруг безразлично произнес:

– Там в спальне на постели коробка. Можешь примерить.

Людмила удивленно застыла, не понимая.

– Платье. Там платье.

Она хлопала глазами, не веря собственным ушам.

– Ты купил мне платье?

– Не я. Это прислал Шталь. Платье для тебя и смокинг для меня. Сказал, что это костюмы для маскарада. Дресс-код. Прилагаются к приглашениям.

Людмила недоверчиво посмотрела на мужа.

– Ты хоть понимаешь, сколько это все стоит? – тихо спросила она. – Ты не думал, зачем все это Шталю?

Руслан только хмыкнул.

– Ты же сама сказала! Он чувствовал свою вину. Хотел загладить.

Людмила вдруг ощутила ту же злость, что на собрании. Посмотрела Руслану в глаза и сказала твердо:

– Я не хочу туда идти. Просто не хочу. Чувствую, что-то не так.

– Глупости! – Руслана, казалось, еще больше разозлили ее слова. – Беспочвенные подозрения! Доктор прекрасный человек! Умный и интересный! Ты должна гордиться, что он проявил к нам интерес и фактически предложил дружбу!

Людмила сжала зубы и проглотила подступающие к горлу горькие слезы.

– Я не хочу. И вообще... твой доктор... Я боюсь его!

Руслан посмотрел на нее с жалостью. Будто на больную. Или умалишенную.

– Мой? Это ты потащила нас на прием к Шталю! Забыла? А теперь она его боится!

Людмила вдохнула, чтобы ответить. Что-нибудь злое и обидное...

Но внезапно поняла, что Руслан прав. Опять тяжелой бесформенной тушей навалилось чувство вины. Стало противно и тоскливо. Во всем виновата она сама. По щекам, обжигая, скатились горькие капли. Больше сдерживать слезы она не смогла.

Но Руслан будто и не замечал, что она плачет. Впервые.

Отошел к окну. Чужой. Безучастный.

– Я ничего не хочу слышать. Если бы ты сказала сразу – мы могли бы это обсудить. Ты сама сделала этот выбор. Хочешь ты или нет – я пообещал доктору Шталю, что я буду на этом маскараде. С тобой или без тебя.

Людмила вздрогнула, как от пощечины. Даже помутилось в глазах. Похолодела от страха... Без тебя... Он, правда, сказал это?

– Ты... ты.. не можешь... как ты...

Последняя капля прорвала плотину ее терпения. Разревелась, в голос, навзрыд. Убежала на кухню, хлопнув дверью.

«Антошка... проснулся, наверное... – мелькнула последняя здравая мысль. Потом было просто отчаяние. Глухое, мертвое, выжигающее душу.

Согнулась пополам, будто от удара в живот, сползла на пол. Боль не отпускала, разливаясь в груди жаркими пульсирующими толчками.

Она ждала... Ждала, что сейчас Руслан войдет, поднимет ее с пола, отнесет на руках в постель. Как ребенка. Будет шептать глупые нежности.

Он так и не пришел. Когда кончились слезы, пошла в ванную. Умылась, стараясь не смотреть на свое опухшее лицо с красным носом. Тихо нырнула под одеяло. Спит? Или притворился? Ровное дыхание... Спит... Всклипнула.

– Милочка... Прости... – теплые руки сгребли, обняли, прижали так, что нечем стало дышать. – Но и ты неправа... вывела меня из себя...

Опять потоком хлынули слезы... Сладкие, сладкие слезы. Родной...

– И ты... прости.

Обида, отчаяние растворялись в нежной радости, оставляя только горький вкус слез на губах. Открылась этой радости до предела, впустила, как свежий ветер.

Горячий шепот обжег ухо:

– Я заглянул в коробку. Оно такое красивое. Ты будешь неподражаема!

Радость погасла, будто задули свечу.

Ветер осторожно, будто боялся разбудить спящих, перебирал голые ветки деревьев за окном. Неживой тусклый свет фонаря заглядывал за штору, разбавляя темноту. Почти до утра Людмила пролежала с открытыми глазами и наблюдала за причудливо сплетающимися на потолке тенями.

В голове, как ночная бабочка в стекло фонаря, билась брошенная Русланом фраза: «Без тебя... Без тебя».

Из пыльного темного угла подсознания расползалась паника. Людмила отчаянно пыталась загнать ее обратно, но страх пропитывал ее, отравлял, лишал способности мыслить.

Без тебя... Без тебя... Он сможет без тебя. А ты? Быть как мама – то озлобленной на всю мужскую половину человечества, то заискивающе глядящей в глаза очередному кавалеру, что приводила домой, стыдясь самой себя и дочери? Нет! Ни за что!

Страх потерять Руслана, остаться одной, укоренился в душе Людмилы так глубоко, что сопротивляться было бесполезно. Вся ее разумность, решительность, твердость испарялись, словно сухой лед на солнце, как только накатывал панический ужас перед одиночеством.

Людмила вжалась в теплое, расслабленное ото сна тело мужа. Судорожно вздохнула. Руслан что-то пробормотал и, не просыпаясь, обнял ее крепче. Обида, злость, нежелание идти на этот странный вечер-маскарад показались Людмиле такими глупыми, надуманными. Поняла, что пойдет даже на костер аутодафе, только бы сохранить свой уютный мирок.

Людмила еще раз вздохнула, уткнулась носом в теплое сильное плечо, вдохнула родной запах.

Все утро она пыталась занять себя работой по дому, чтобы не думать о предстоящем вечере. Заставила Антошку убраться в ящиках стола, расставить по порядку диски с играми. Возилась на кухне, с какой-то яростной тщательностью надраивая до безупречного блеска фасады и полки. Перетерла все листья на комнатных цветах, до первозданной белизны довела подоконники. И изо всех сил старалась не встречаться взглядом с Русланом.

Он терпел ее упорное молчание и метание по дому почти до обеда. За столом тоже царила неловкая тишина. Антошка обиженно пыхтел, так как отец сообщил ему, что он отправляется с ночевкой к бабушке – маме Людмилы. У бабушки не было интернета, а на его телефоне отец заблокировал доступ после того, что они с лучшим другом Максом на уроке алгебры сидели в интернете. Это обстоятельство делало поездку к бабушке ссылкой декабристов. По крайней мере, выражение лица у Антона было поистине мученическим. Наконец, положив ложку в пустую тарелку, Руслан произнес:

– Милая, ты так и не померила платье. Неужели тебе не интересно?

Людмила молча встала, собрала тарелки, поставила их в мойку. Повернувшись спиной, произнесла безразлично:

– Домою посуду – посмотрю. Главное, что понравилось тебе.

Почувствовала, как Руслан недовольно поджал губы. Вспышкой промелькнуло злорадование. Вспомнила, как он вчера выговаривал ей – такой же безразличный и холодный.

– Ты все еще не хочешь идти, – с укором произнес Руслан.

– Не хочу, – ответила она тихо, – но это же ничего не меняет?

Опять повисло неловкое молчание. Людмила чувствовала, как он Руслан мучительно подбирает слова, пытается побороть досаду.

Вдруг он встал, обнял за плечи, прижал к себе. Отобрал губку, поднес ее руку к губам.

– Милочка. Милая. Я пообещал. А потом, мы что часто ходим по клубам? Тем более таким роскошным. Ты давно мечтала куда-нибудь выбраться. И все оплачено.

Людмила выдернула ладонь из пальцев Руслана.

– Знаешь, где бывает бесплатный сыр?

– Ну почему ты так настроена?

Снова обнял, попытался поцеловать. Людмила уперлась ладонями ему в грудь.

– Мне нужно закончить с посудой. Если конечно хочешь, чтобы я была готова вовремя.

– Очень хочу! – просиял Руслан и неловко чмокнул ее в щеку.

Расставив в сушилке тарелки – аккуратно по размеру, и тщательно вытерев капли воды с мойки, Людмила со вздохом отправилась в ванную.

Нежась в мягкой ароматной пене – черный ирис и магнолия, любимый аромат Руслана, – она пыталась привести свои мысли в порядок. Тяжелое предчувствие чего-то неотвратимого давило виски тупой болью. Вспомнила уроки йоги, сосредоточилась на дыхании. Тревога немного отпустила, но затаилась, свернулась змеей.

Замотав голову полотенцем, Людмила грустно улыбнулась своему отражению. Некстати подумала, что опять заканчивается любимый тоник. А это минус тысяча рублей из семейного бюджета. Через два месяца Новый Год, и Антошка ждет планшетник. Но на косметике Людмила экономить не могла. Почти на всю дешевую косметику у нее была жестокая аллергия. Значит, опять придется редактировать левые статейки за гонорары. Ну ничего. Несколько бессонных ночей, и будет Антошке подарок.

Коробка с платьем, черная с золотом, ждала в спальне.

Пока сушила волосы, не отрывала от нее глаз, прислушиваясь к своим ощущениям. Совершенно не было радостного предвкушения перед примеркой обновки. Снова проснулась тревога, зашевелилась, заскреблась острыми коготками. Людмила осторожно приоткрыла крышку, как клетку с опасным зверьком. Упаковочная папиросная бумага зашуршала празднично и призывно.

Кончиками пальцев она аккуратно достала шелково-кружевное великолепие. Какое-то время, затаив дыхание, разглядывала его, не веря своим глазам.

Платье было великолепно. У Людмилы никогда не было такого. Да, собственно, и мысль купить вечерний наряд в пол, о цене которого она даже не хотела догадываться, никогда не пришла бы в голову.

Черный шелк мягко мерцал из-под темно-бордовых кружев. Узкий лиф со шнуровкой, без бретелей не оставлял шанса для бюстгальтера. Это немного смутило Людмилу. В дополнение прилагалась бархатная маска в виде крыльев летучей мыши, черная с бордовым шелковым подбоем.

Людмила приложила ее к лицу. Из зеркала на нее посмотрело странное, немного злое отражение. Испуганно отложила маску в сторону.

Платье оказалось велико в груди. Шталь явно польстил Людмиле. Даже подтянув шнуровку, она не смогла подогнать его.

– Великолепно, – восхитился Руслан, заглянув в комнату. – Невероятно.

Подошел, взял в руки маску.

– Летучая мышь. Красиво. Загадочно. Тебе так идет этот наряд! Да, кстати, Шталь сказал, что его можно будет оставить на память. Только смокинг придется вернуть. Но зачем мне смокинг, правда?

– Ничего великолепного. Платье мне велико. Надену свое, то, темно-красное. Не ушивать же на живую нитку!

– Ну как хочешь, – Руслан разочарованно поджал губы.

Людмила едва сдерживала раздражение. Захотелось напомнить мужу про сыр и мышеловку. Но не стала. Или Руслан не желал замечать этого странного интереса к ним доктора Штала, или у нее действительно просто пошаливали нервы.

Избавившись от вычурного и неудобного наряда, Людмила почувствовала себя лучше. Еще раз критично оглядела себя в зеркале. Уложила волосы в высокую прическу. Чуть тронула ресницы тушью, губы – темно бордовой помадой. Капелька любимых духов «Маленькое черное платье» от Герлен.

В крови бурлила острая смесь возбуждения и неясного страха. Сердце замирало, дыхание сбивалось.

Маска спряталась в кружевную черную сумочку-кисет. Людмила осторожно затянула тесемки, словно маска была живой и могла выбраться наружу.

– Милая, такси будет через пятнадцать минут!

Руслан вошел в спальню, уже одетый в смокинг, и Людмила невольно залюбовалась мужем. Раздражение и страх отступили. Улыбнулась, провела кончиками пальцев по гладко выбритой щеке.

– Отчего мужчинам так идет смокинг?

– Оттого же, отчего женщинам – красивые платья. Ты само совершенство, – ответил он, осторожно целуя ее в щеку.

Антошка, серьезный и обиженный, сидел на пуфике в прихожей, уже одетый и с рюкзаком. Исподлобья глянул на родителей и вдруг заулыбался, восторженно и удивленно.

– Мам... ты такая... прям королева фей!

– Спасибо сынок, – Людмила взъерошила его русые вихры. – И, кстати...

Открыла сумку, достала оттуда свой мобильник.

– Держи. У меня безлимитный интернет подключен. Пользуйся.

Антон благодарно просиял.

Руслан подал ей пальто.

«Хорошо, что сегодня нет дождя, – подумала Людмила. В октябре на улице в легких туфлях на высокой шпильке было странно.

Таксист – пожилой интеллигентного вида дядечка в смешной лыжной шапочке, посмотрел на Людмилу в зеркало заднего вида и вдруг подмигнул. Или ей показалось?

Антошку высадили на углу Английского проспекта и улицы Декабристов, напротив Дома-Сказки. Мама Людмилы уже стояла у края тротуара, всплеснула руками, попыталась отобрать у него рюкзак, правда безуспешно, помахала рукой Людмиле и Руслану. Людмила махнула ей в ответ и невольно покосилась на темные окна офиса доктора Штала. Опять глухо и больно стукнуло сердце.

– Теперь куда? – спросил таксист, – запомятовал что-то...

– Клуб «Синий Попугай», на Литейном, сорок семь, – ответил Руслан.

– Отлично, – отозвался весело таксист. Веселость показалась Людмиле вовсе неуместной.

Над тяжелыми дверями из непрозрачного черного стекла в медных рамах светился неон большой ярко-синий попугай. Швейцар в цилиндре и черном плаще, бесстрастный и молчаливый посмотрел на приглашения, протянутые Русланом, и распахнул двери. Людмиле показалось, что сердце ее перестало биться, когда она судорожно вцепившись в руку мужа, шагнула через порог.

Двери закрылись за ними с негромким стуком. Полумрак холла звучал негромкой музыкой, не то джазом и не то свингом, обволакивал сдержанными ароматами: кофе, изысканной еды. Вплетались как разноцветные ниточки, женские и мужские духи, то строгие, то тяжело-ватые, легкий запах хорошего табака. Темно-красный ковер на полу и стены, обитые мягким черным бархатом, скрадывали шаги. Бра из молочного стекла в виде лепестков подсвечивали

потолок ровно настолько, чтобы этот полумрак перестал быть темнотой. Единственным ярким пятном в интерьере было красное платье на женщине лет тридцати. Женщина радушно сверкнула белозубой улыбкой:

– Добро пожаловать!

Шаги до высокой стойки из лакированного черного дерева дались Людмиле непросто. Непривычно высокие каблуки норовили подвернуться на мягком ковре.

Руслан выложил на стойку приглашения. Женщина просияла:

– Счастливы принять особых гостей. Прошу меня простить, но прежде чем пройти в зал, необходимо заполнить анкету гостя. Мы должны быть твердо уверены в ваших предпочтениях, чтобы доставить максимум удовольствия.

Она положила перед Русланом листок дорогой мелованной бумаги с эмблемой клуба в верхнем левом углу и ручку. Людмилу удивило, что анкета была только одна. Она вопросительно посмотрела на женщину-портье, но та лишь таинственно улыбнулась.

Заглянув в листок, она попыталась прочитать вопросы анкеты. Текст расплывался перед глазами. Людмиле очень хотелось достать очки из сумочки и прочесть, что там написано, но ей показалось это неудобным.

Руслан, наконец, закончил ставить галочки и протянул листок портье.

Женщина мельком взглянула на анкету, и произнесла:

– Теперь прошу надеть маски. Ваш столик под номером восемь. Приятного отдыха.

Людмила, вздохнув, распустила завязки сумочки и достала маску Летучей мыши. Руслан помог ей завязать ленты на затылке. Сам достал из внутреннего кармана простую черную бархатную полумаску. Опять у Людмилы сбилось дыхание от непривычных ощущений – мир сузился до прорезей маски, шелковая подкладка ласково льнула к коже, чувство несвободы и страх неизвестности добавил адреналина, заставил задрожать.

Портье вышла из-за стойки и отодвинула занавесь.

Зал оказался небольшим. Такой же приглушенный свет, интерьер, выдержанный в черно-бордовых тонах. Официант во фраке с белой манишкой и черной бабочкой молча проводил их к столику рядом с полукруглым подиумом. Осторожно присев на услужливо пододвинутый стул, Людмила осмотрелась.

Почти все столики были заняты. Мужчины как один в смокингах, женщины в изысканных вечерних нарядах. Лица скрыты масками: простыми, как у Руслана или вычурными: с перьями и сверкающими камнями. Негромкая музыка, хриплый волнующий голос саксофона и медленные, глубокие, отдающиеся толчками внутри перекаты ритма.

Меню им никто не подал. Столик был уже сервирован, и Людмила удивленно заметила, что выбор блюд и напитков был явно специально подобран. Руслан, оглядел стол и тоже казался слегка растерянным.

Бесшумно появился молчаливый официант с бутылкой вина. Склонился к Руслану, показывая этикетку. Тот кивнул и указал на Людмилу. Официант плеснул в ее бокал немного рубиновой жидкости. Людмила пригубила и едва не зажмурилась от удовольствия. Вино оказалось превосходным – в меру терпким, слегка вязущим, с богатым фруктовым вкусом. Она кивнула, соглашаясь с выбором. Официант немедленно наполнил оба бокала и, поставив бутылку на стол, снова растворился.

Какое-то время они ужинали молча, осторожно разглядывая зал, публику и посматривая друг на друга. Хотя музыка звучала так, что совершенно не мешала разговору, отчего-то нарушить молчание никто из них не решался. Официант появлялся все так же беззвучно, чтобы подлить вина или сменить тарелки.

Но хорошее вино, спокойная и приятная атмосфера в зале делали свое дело. Нервное напряжение отпусало, даже ощущение шелковой подкладки маски на лице перестало трево-

жить Людмилу. Руслан, наконец, нарушил молчание, похвалив выбор вина и кухню. Людмила в ответ – изысканный интерьер и безупречное обслуживание.

Какое-то время они перебрасывались короткими фразами, а вскоре разговор стал и вовсе непринужденным. Руслан начал вспоминать, когда же они в последний раз были в ресторане, а Людмила сразу припомнила корпоративную новогоднюю вечеринку два года назад, когда они участвовали в танцевальном конкурсе и выиграли главный приз – бутылку шампанского.

Постепенно музыка стала громче, ритм – более четким. Добавилось света. Девушки с зажженными свечами на раскрытых ладонях в полупрозрачных туниках встали у каждого столика и замерли будто статуи. Бесстрастные лица, опущенные глаза живо напомнили Людмиле Еву – покорную подружку Штала.

– Добрый вечер, друзья! – низкий грудной голос, усиленный динамиками, прорвался сквозь рваный ритм свинга.

На полукруглом подиуме возник женский силуэт, освещенный со спины.

– Время начинать. Сегодня не совсем обычный вечер. Среди нас особые гости. Поэтому напомним. Все что вы увидите – происходит по доброй и осознанной воле участвующих. Если действие кажется гостю неприемлемым – он должен молча покинуть зал. Вмешиваться в представление недопустимо.

Людмиле вдруг стало жутко. Она посмотрела на лицо Руслана. Под маской невозможно было угадать его чувства. Он напряженно смотрел в сторону подиума, комкая в руке салфетку.

Сцену залило кроваво-красным светом. Зловещий и трагичный хор «Кармина Бурана» заполнил пространство, загрохотал рокочущий ритм барабанов. Появился мужчина в длинном темном плаще, который он скинул эффектным жестом, оставшись в обтягивающих кожаных штанах и белой рубаше с отложным воротником и манжетами. На лице – бархатная полумаска.

Больше всего он напоминал фокусника. Театральным жестом взмахнул плащом, и вдруг под ним оказалась девушка. Босая, с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами. Тоненькая, хрупкая. На ее личике, бледном, застывшем, маски не было. Из одежды – лишь прозрачная туника, как на тех, что замерев, так и стояли в зале со свечами на раскрытых ладонях. Сквозь пронизанную лучами софитов тонкую ткань просвечивала обнаженная грудь и узенькие полоски стрингов. Людмила почувствовала, как к ее щекам приливает кровь, а в висках начинает стучать. Но девушку, похоже, ее наряд ничуть не смутил.

Щиколотки охватывали кожаные широкие браслеты с металлическими кольцами. Такие же, немного уже – на тонких запястьях, а изящную высокую шею – кожаный ошейник с кольцом.

Мужчина обошел кругом застывшую на месте девушку. Откинул назад ее волосы, погладил по щеке. Склонившись к самому уху, что-то шепнул. Девушка медленно спустила с плеч тунику, позволив ей соскользнуть к босым ступням.

Людмиле казалось, что у нее пылают даже уши, она тяжело дышала, и сцепила пальцы, чтобы они не дрожали.

Откуда-то сверху спустили цепи, и мужчина закрепил их концы внизу. Потом пристегнул карабинами руки и ноги девушки к цепям, практически распяв ее между ними. Медленно, почти нежно, будто наездник, успокаивающий лошадь, мужчина оглаживал ладонью ее вздрагивающее тело. Потом взял из рук поднявшегося на сцену помощника черный кожаный хлыст. Вроде тех, что используют жокеи.

Людмила начинала понимать, что за представление предстоит им увидеть. Снова она вспомнила лицо Евы, ласкавшей себя в гостиной Штала и ее срывающийся шепот: «Пожалуйста, Мастер».

Ее разрывало на части жгучее любопытство и страх. Хотелось убежать, но она не могла оторвать глаз от этой странной пары. Острая жалость к беззащитной нагоде жертвы и страх перед ее мучителем мешались вместе, закручивались в тугую спираль возбуждения.

Людмила вздрагивала всем телом вместе с этой девушкой, когда на ее белую кожу опускался черный кожаный хлыст, и на месте удара проявлялся багровый след, будто нарисованный губной помадой. Людмиле казалось: это она, нагая, безвольно распята на цепях. Смятая страхом и диким животным возбуждением, смешавшимися в одно чувство без названия, она едва сдерживалась, чтобы не закричать.

В тот миг, когда девушка забилась в сладких судорогах, она чуть не разрыдалась.

Больше не в силах сдерживаться, Людмила оторвала, наконец, взгляд от сцены и вдруг с ужасом поняла: она одна. Руслана за столиком не было. Вскочила, едва не опрокинула стул и бросилась вон из зала.

За стойкой портье никого не было. В растерянности, едва не теряя сознание от охватившего ее страха, Людмила метнулась к лестнице, ведущей куда-то вверх. Будто в том своем сне увидела призрачный голубоватый свет и наверху в полутьме коридора фигуру старика в шляпе с высокой тульей. Нестерпимо захотелось убежать. Но вдруг вспомнился грустный ломкий старческий голос: «Ты можешь его вернуть, если сделаешь правильный выбор». Поняла, что должна найти Руслана. Похолодев от ужаса, начала подниматься по ступенькам...

Безумный ритм барабанов, сливался в унисон с ее пульсом, подчинял его себе. Она шла по коридору, безнадежно и отчаянно дергала ручки закрытых дверей. Предпоследняя оказалась приоткрытой. Несколько шагов на слабеющих ногах...

Сердце казалось, выпрыгнет из груди. Дышать было тяжело, воздух стал густым и горячим. Дрожащими пальцами сжала холодную ручку двери. Шагнула вперед, в полутьму, пропитанную запахом вербены и горящих свечей.

Дверь захлопнулась, отрезав пути к отступлению. На фоне освещенного окна чернел силуэт... Незнакомец медленно повернулся к ней. Маска... черная полумаска... Людмила вдруг поняла, что ноги ее больше не держат, и упала на колени...

Ее подхватили сильные руки, уложили на кровать, она чувствовала тонкий запах лаванды и нежное прикосновение шелка, и видела сквозь полузакрытые веки приглушенный свет. Она не хотела знать, чьи руки снимают с нее одежду. Здрожала от прохладного воздуха и холодящей кожу ткани, и тут же попала в плен горячих, настойчивых, страстных прикосновений. Кусала губы, чтобы не кричать, и ее ухо обжигал хриплый шепот.

Где-то на самом дне сознания она была уверена, что это ее муж, любимый, родной. Но не узнавала его. Его руки, губы, тело словно стали другими – незнакомыми, властными, почти грубыми, и от того еще более возбуждающими. Греховность этой близости придавала ей особый жгучий и горький оттенок, доводила до иступления.

Она уже не понимала сон это или явь, потеряла ощущение реальности.

Ей снилось, что ее тело лижут языки адского пламени, и проснулась от собственного крика и прикосновения горячих сухих губ.

Она распахнула глаза и облегченно выдохнула.

Руслан, уже полностью одетый, смотрел на нее лукаво и восхищенно. Людмила жарко покраснела под его взглядом. Села в постели, натянув одеяло до подбородка. Опустошенная, смятая, выбитая из колеи.

– Как ты мог?

Горло саднило, будто от насыпанного песка.

– Что это было? Что-то в вине?

Восхищение в его взгляде сменилось беспокойством.

– Конечно, нет! Как ты себя чувствуешь? Что-то болит?

Руслан взял ее запястье, привычно нащупал пульс.

Людмила раздраженно вырвала руку.

– Я чувствую себя обманутой.

Руслан посмотрел на нее с укором.

– Мне показалось, тебе понравилось. По крайней мере, я пытался сделать для этого все. Разве не так?

Людмила натянула одеяло повыше. Впервые она стеснялась своей наготы перед мужем. В голове вдруг промелькнули бесстыдные картинки их безумной ночи.

– Ты же не думала, что я позволю причинить тебе вред? – продолжил Руслан. – Это была всего лишь игра.

– Игра?! Так ты все знал? – пустоту в груди медленно начинала заполнять злость и обида. – Знал...

Руслан усмехнулся.

– Не во всех подробностях, кое-что и для меня было сюрпризом.

– Кое-что...

Людмила рывком откинула одеяло и, глотая слезы, начала одеваться. Руслан попытался ее обнять, она резко отстранилась. Тело била нервная дрожь, хотя в комнате было тепло. Остро ощутила ностальгию по любимому вязаному платью.

Руслан терпеливо ждал, пока Людмила оденется. Потом подошел и накинул ей на плечи свой смокинг. Мягкое сукно слегка покалывало кожу, но сразу стало теплее. Людмила передумала гордо скидывать его. Запахнулась поплотнее. И хотя все еще злилась, почувствовала, как обида постепенно отпускает. Ничего страшного не произошло... Но почему она чувствует себя преданной и обманутой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.